Лин Яровой

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Лин Яровой
Зазеркалье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63352472
SelfPub; 2021

Аннотация

Смерть живёт в отражениях. Появляется за спинами тех, кому осталось три дня. Андрей узнал об этом от Лиды наутро после их свадьбы. И вспомнил теперь, спустя двенадцать лет в день годовщины, когда жена призналась, что видит образ в зеркале рядом с собой.

Зная, что ей не помогут ни врачи, ни молитвы, Лида просит Андрея смириться и провести вместе последние дни, укрывшись от всех в сибирской деревне, где они познакомились в молодости. Андрей соглашается. Но обещает себе, что не сдастся.

Возвращаясь в забытую сказку – в Рощу, где каждая улица хранит детские воспоминания, а в тайге, по легендам, живёт лесной царь, – Андрей клянётся: он найдёт способ спасти жену. Когда-то он уже проиграл смерти, потеряв дочь. Но в этот раз всё будет иначе. В этот раз Андрей одолеет ту, что прячется в зеркалах. Пусть для этого ему и придётся разгадать тайну русского колдовства.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

День первый 4
Конец ознакомительного фрагмента. 164

Лин Яровой
Зазеркалье

Посвящается Кире, Алисе, Андрею

День первый

В спальне пахло рекой и рассветом.

Лида сидела ко мне спиной – расчесывала волосы перед старым трельяжем, отражаясь в трех зеркалах. Я смотрел в то, что посередине. Украдкой следил за её движениями, притворяясь что сплю, пока Лида притворялась, будто не замечает моих дрожащих ресниц.

Нежная, тёплая, заспанная…

– Я умру в воскресенье, – сказала она.

После этих слов мы закончили притворяться, и наши взгляды встретились в отражении. Лида виновато улыбнулась и пожала плечами. Мол, прости, так уж вышло.

Издав дурацкий смешок, похожий на кваканье жабы, я поудобнее взбил подушку и повернулся на другой бок, сладко зевнув. «Странный сон, – пронеслась мысль. – Совсем как взаправду». Примерно с минуту я ждал, когда сновидение сменится, но мир так и остался плотным и недвижимым.

Запах воды полз по комнате. Топил её, словно река, заливающая рощу в весеннее половодье.

Я раздраженно откинул одеяло и огляделся. Сон никуда не исчез. Лида всё так же расчёсывала волосы перед зеркалами. Волосы вились, упрямились и пушились. Чёрным каскадом лились по шёлку ночной рубашки.

«Всё такое живое, настоящее… – подумал я. – Как мне проснуться?»

Лида повернулась и взглянула, будто в ожидании важных слов. Я вспомнил. Вспомнил, что сегодня наша двенадцатая годовщина. Вспомнил о серьгах, лежавших в кармане ветровки.

– Давай уедем за город? – сказала Лида. – Поближе к лесу. Подальше от шума. Проведем вместе эти три дня.

В комнате нестерпимо несло рекой. Я вспомнил, что не чувствую запахов в сновидениях.

Ущипнул себя за живот. Больно. Потом стало ещё больнее.

– Ты прости, что так неожиданно. Но у меня нет сил это растягивать и смягчать. Все эти разговоры… Лучше так. Сразу.

Под солнечным сплетением качнулся маятник. Сначала вниз… Воспоминания пронеслись застывшими образами, словно снимки в фотоальбоме. Пустая квартира. Тишина. Детские вещи. И вновь этот чертов запах реки. Затем остановился и полетел вверх. Обратно к сердцу. Я уловил в воз-

духе ароматы хвои… Чёрные волосы, ночная сорочка. Янтарные радужки глаз. Лида здесь. Сидит перед старинным трельяжем. Живая.

«Трельяж… – вспомнил я, и маятник замер. – Зеркала».

Маятник задрожал, натянулся.

А затем оборвался и рухнул вниз.

***

Первую брачную ночь мы провели в съёмной квартире.

Там был ободранный пыльный диван, от которого чесалась спина, и огромные деревянные окна, рамы которых растрескались, наверное, ещё при Союзе. Сквозь щели могли спокойно пролетать комары – те самые, огромные, которых в народе почему-то зовут малярийными. Под утро, когда на улице похолодало, и сквозняки в квартире начали встречаться друг с другом, в комнату залетела синица. Оказалось, что мы забыли закрыть на кухне окно, когда в очередной раз курили.

Вместе с Лидой мы лежали под одеялом и смеялись, глядя, как наглая птица скачет по коробкам со свадебными подарками. Её надутая грудка, рассечённая чёрной полоской, была похожа на спелый лимон, к которому ради смеха приделали крылья. Синица крутила головой, клевала обёрточную бумагу. Напоминала о скором приходе зимы и о том, что позади праздник осеннего равноденствия. День свадьбы.

В то утро я смотрел на залетевшую в квартиру синицу, и

она казалась мне символом новой жизни. Мы с Лидой гладили ладони друг друга, и задерживали подушечки пальцев, когда касались обручального золота. Прятались под одеялом от сквозняков. Целовались и любили друг друга, совсем не стесняясь крылатой гостьи.

В то утро Лида сказала, что видит смерть в зеркалах.

Это длилось всего секунду, может, меньше. Лишь сжатый до мысли миг. Но я и вправду поверил дурацкой шутке. Потом, когда трезвый ум вернулся, я подумал, что у моей жены странное чувство юмора. А ещё через мгновение и вовсе позабыл о словах Лиды. Все мысли вытеснил восторг, захлестнувший меня, когда я понял, что могу называть Лиду женой.

Жена. Моя жена. Я пробовал это слово на вкус, и оно мне безумно нравилось. Потом вспомнил, что вообще-то и сам теперь зовусь мужем, но слово «муж» не казалось мне таким сладким. Бытовое, обычное слово. То ли дело «жена». Же – на. Я ущипнул себя и когда понял, что всё происходит по-настоящему, то чуть не захлебнулся от нахлынувшей эйфории. Стало так радостно и светло, что казалось, я улечу сейчас в космос – просто так, без инженеров, диспетчеров и ракет. На одном только счастье.

– Я серьёзно, Андрюш, – сказала Лида, вернув меня обратно на землю. – Когда мне было шестнадцать, мама лежала в больнице. В её палате висело зеркало – напротив кровати. Каждый раз, когда я приходила, то видела в нём женщину. Точнее девушку. В белом сарафане. Таком, знаешь… что-

то между свадебным платьем и медицинским халатом. Она сидела на стуле рядом с постелью, но только в отражении. Когда я поворачивалась к маме, стул был пустым. Мама ещё просила сесть на него, спрашивала: «Лидонька, почему ты не подходишь? Знаю, от меня пахнет сыростью. Рекой. Могилой. Но посиди же рядом. Пожалуйста». А я смотрела и боялась сказать, что это пахнет вовсе не от неё, а от женщины в зеркале.

В то утро я не поверил. Как в такое можно поверить? Всю жизнь я был материалистом, а работа следователем и вовсе сделала из меня законченного скептика. Почти каждый день я встречался со смертью – шёл за ней по пятам, пока смерть незримо ходила за мной, и ни разу, заходя в запущенные квартиры и тёмные перелески, я не видел рядом с трупами никакой девушки. Только кровь, обезображенные тела и следы. И никогда воздух не пах никакими реками и могилами, а лишь трупным ядом, железом и почти всегда алкоголем.

Лида хорошо меня знала. Поэтому нисколько не удивилась, заметив мой скепсис.

– Так и думала, – улыбнулась она. – Знала, что ты не поверишь. Но ты помни эту историю. И не слишком удивляйся, если я всё-таки уйду из академии.

***

Через два года после свадьбы Лида забрала документы из медицинского вуза. На последнем курсе. Мне казалось это

сущим безумием. Я не понимал, как жена может оставаться спокойной, после того, как похоронила пять с половиной лет учёбы.

– Мне не нужен диплом, чтобы лечить, – улыбнулась она тогда. – Вот увидишь, люди сами будут идти ко мне.

Так и вышло.

Каждый день они приходили в наш дом – кто с больным сердцем, кто со спиной, кто с онкологией в последней стадии. Люди шли сами и приводили с собой детей. Моя жена смотрела их, давала травы и что-то шептала. Затем улыбалась и отпускала.

Я был уверен, что она занимается шарлатанством. Из-за этого мы вечно ругались.

В один из вечеров я вернулся с работы раньше обычного и увидел, как из нашей квартиры выходит старик. Похожий на моего отца, только ссутулившийся и с тонкими руками. На нём было драное пальто и мятые брюки. Ботинки, наверное, застали ещё Горбачёва. Старик держал пакет с продуктами.

– Возьми, родная. Возьми. Здесь гостинцы, покормишь дочку. Спасибо тебе за всё, золотая. Храни тебя Господь!

Лида взяла пакет, игнорируя мой взгляд.

Когда дверь за стариком захлопнулась, я сел в прихожей, не разуваясь. Кинул папку с документами на пол и долго смотрел в одну точку. Лида стояла рядом. Она опиралась плечом о стену, держала в руках пакет и глядела на меня с усмешкой. Ждала, что я скажу.

– Зачем? – спросил я, не поднимая глаз.

– Потому что он так хотел.

Я опустил ресницы и глубоко вдохнул.

– Тебе не хватает денег?

– Хватает.

– Тогда зачем ты берёшь у них?

Жена улыбнулась и спокойно ответила:

– Потому что это подарки.

– Я спрашиваю, зачем ты их принимаешь?

– Разве не в этом заключается суть подарков?

– Лида…

– Я не прошу ничего. Тем более не беру деньги.

Я резко встал и пнул валявшуюся под ногами папку с документами.

– Какая разница? Какая, на хер, разница, деньгами они несут или так?! Зачем ты взяла у него пакет? Тебе есть нечего?

– Не смей повышать на меня голос. И вообще, не ори. Алису разбудишь.

– Просто ответь. Как тебе хватает совести?

Лида усмехнулась, но уже по-другому. С пренебрежением во взгляде.

– Считаешь, твой труд важнее, чем мой? – спросила она. – Думаешь, я не имею права на благодарность?

– Благодарность? – я начал выходить из себя. – Лида… Хочешь скажу, как называется то, что ты делаешь?

– Ну-ка, скажи.

– Это называется мошенничество. Именно таких жуликов я закрываю каждый день.

Лида не ответила. Она молча бросила мне в ноги пакет с продуктами. Затем развернулась и заперлась в детской.

Я не слышал, плачет ли она. Но даже, если б услышал, то не почувствовал бы себя виноватым.

***

Спустя две недели после той ссоры я приехал к отцу. Тогда он ещё жил в Роще, в старенькой, но ладной избе, окруженной березами. Лида осталась в городе с дочерью, и у нас с отцом наконец появилось время, чтобы поговорить начистоту, по душам. Такое случалось редко. Наверное, поэтому, мы так долго и не могли раскрыться. Пока чистили снег у двора, лишь обменялись пустыми новостями да обсудили слухи, о которых забыли минуту спустя. И только вернувшись с мороза в дом и выпив по рюмке, мы посмотрели друг другу в глаза и кивнули, словно поздоровались по-настоящему.

Отец всё понял без слов. Хмыкнул и покачал головой. Затем скорее по привычке, чем из любопытства, спросил:

– Что стряслось?

У него был хриплый, прокуренный, но вместе с тем сильный голос. Проработав сорок лет в милиции, отец выучился говорить так, что любой человек, сидя перед ним, чувствовал себя нашкодившим пацаненком. Ростом отец был на го-

лову ниже меня, но глядя на его жилистые руки и крепкую спину, я знал, что если потребуется, он скрутит меня в момент. Не позволит даже пошевелиться. Всю жизнь отец прожил в деревне, врос в неё корнями, и никакая сила уже не могла повалить его на землю.

– С Лидой проблемы, – признался я. – Бросила институт. Занимается шарлатанством. Кажется, мы с ней на грани.

Отец хмыкнул и постучал пальцами по столу. Ритмично, словно по нотам.

– Значит, всё-таки правду говорили.

Я поморщился и покачал головой.

– Пап, пожалуйста… Не поднимай эту тему снова.

– Не шелести. Колдует так колдует, мне-то что? И без тебя знал, кто она. И тебе говорил ещё до свадьбы: всё так же будет, как с матерью. Ведьма на то и ведьма, что обманом живёт. Только ты не слушал. А теперь, значит, решил разводиться?

– Пока не решил. Но долго так продолжаться не может. Мне противно видеть, как она пользуется доверием этих людей. Им тяжело, а она берет у них. Не деньгами, продуктами, но какая разница? Они ведь на последнее покупают.

Отец наполнил рюмки наливкой. Закурил папиросу. Сощурился от кислого табачного дыма, а затем хмыкнул.

– А оставлять годовалую дочь безотцовщиной не противно?

Я вздохнул и опустил взгляд. Ответить было нечего.

Отец спокойно продолжил:

– В девяносто третьем, когда ты мелкий был, твоя мать мне изменила. Думаешь, я не хотел уйти? Наверное, помнишь, что творилось в доме.

– Помню, – кивнул я.

В памяти пронеслись мамины крики, пьяная ругань отца, разбитая посуда. Кровь на зеркале. Кровь на серебряных серьгах.

– Знаю, ты мне так и не простил. И вряд ли когда простишь. Да я и не прошу об этом. Только ты, Андрюша, вспомни, чем всё закончилось. И подумай хорошенько в следующий раз, когда будешь на жену рот раскрывать. Или не дай бог…

– Я не подниму на неё руку. Никогда.

Отец кивнул. На секунду он опустил ресницы, а затем произнёс тихо:

– Хоть в чем-то мои ошибки сгодились. Может, и правда лучше меня будешь.

Выпив залпом, он кивнул на дверь.

– Езжай.

– Куда? – удивился я. – Только ж приехал.

– Езжай, сказал. Нечего зад протирать. У тебя жена дома одна с ребенком, а ты водку пьёшь. Езжай, купи цветов, подари. Противно – не противно, мне плевать. Делай, что хочешь: убеждай, манипулируй, шантажируй. Хоть себя режь, но решай. Если Лиду с Алисой бросишь, можешь сюда не

возвращаться.

– Пап…

– Я всё сказал.

Спорить с ним было бесполезно. Всё равно, что пытаться сдвинуть с места столетний кедр, намертво вросший в землю. Усмехнувшись, я опустошил свою рюмку и позвонил в такси.

– Машину завтра заберу. Не пьяным же ехать.

Отец лишь кивнул и на прощание не сказал ни слова.

***

Месяц спустя, за пару дней до Рождества я чуть не отрубил себе палец.

Мы с Лидой готовили кролика на ужин. Накануне я купил набор новых ножей, и совсем позабыл, что к хорошему инструменту стоит относиться чуть более уважительно, чем к тем затупившимися ковырялкам, которыми я резал раньше. Я отвлёкся лишь на мгновение, но этого оказалось достаточно. Со всего размаху полоснул по кроличьей тушке. Нож разрезал мясо, а заодно и половину мизинца.

Сначала мир вспыхнул. Затем потемнело.

Перерубил нерв.

Я закричал, и от крика вернулось зрение. Крови было столько, будто мне оттяпали руку. На крики прибежала жена. Проигнорировав мои требования вызвать скорую, она прикоснулась к пальцу ладонями, и мне пришлось сжать зубы,

чтобы не закричать снова. Мизинец стрелял электрическими разрядами, которые прошивали всё тело – от руки к позвоночнику до самого мозга. Любое движение – и казалось, я снова кромсаю себе нерв.

Пока я поливал матом весь мир, Лида что-то шептала над раной. В какой-то момент я почувствовал тепло, заструившееся с её ладоней. Жар шёл от кожи Лиды к окровавленному мизинцу и дальше, по всему телу, пробирая каждую клеточку, волна за волной. Жар заглушал боль и разливался в груди, спускаясь в живот и ниже, а потом уходил в пол через ступни. Казалось, что на меня льют тёплую воду, ведро за ведром, только не снаружи, а изнутри.

Боль прошла. Я не верил в это. Смотрел на палец и даже чуть-чуть шевелил им. Смотрел и не верил. Лида вычистила боль, выкинула её из тела вместе с тем жаром. Жена что-то ещё колдовала над раной, теперь уже более привычным способом. Она обработала порез, наложила швы, потом повязку…

С того дня мы перестали ссориться.

Я больше не называл Лиду мошенницей, зато стал называть ведьмой. С любовью, конечно. Что-то подсказывало мне, что не стоит звать её так без любви.

Жена… Ведьма. Вскоре это стало привычным.

***

В день, когда я впервые увидел, как Лида лечит, я заметил,

что она достает карманное зеркальце-ракушку и притворяется, будто поправляет прическу. Это повторялось раз от раза, от больного к больному, словно тайный обряд. Лишь посмотрев в зеркало, Лида начинала лечить.

Или не начинала.

В тот раз к нам приехала супружеская пара. С ними был мальчик. Лет семи, не больше. Лида смотрела в отражение дольше обычного, а потом захлопнула крышку зеркальца и покачала головой. Она отвела родителей мальчика в сторону, и что-то прошептала им. Их лица вытянулись. Мать мальчика назвала Лиду сукой, и, схватив сына, выбежала из квартиры, громко хлопнув дверью.

Мужчина оказался спокойнее. Он растерянно кивал, потом что-то спрашивал. В конце мужчина заплакал. Он сказал Лиде «спасибо» и, пожав мне руку, ушёл.

Лида в тот вечер напилась. Я не трогал её. Знал, кого она увидела в зеркале. Когда привели мальчика, я и сам почувствовал запах реки, неизвестно откуда появившийся в комнате.

***

Маятник больше не раскачивался. Он застыл внизу живота и гранитной плитой придавил меня к кровати.

В растерянности я поискал глазами телефон.

– Не стоит, – сказала Лида, прочитав мысли. – Ты сам знаешь, врачи не помогут. Даже я не помогу, куда уж им? Ты всё

знаешь, кот. Просто время… Поедем за город, пожалуйста?

Меня вдруг пробрал смех. Дурацкая-дурацкая шутка.

Я уселся на краю постели и достал из тумбочки сигареты. Глядя в пол, закурил. Краем глаза заметил, как поморщилась Лида. Думал, что сейчас разругается, но нет. Лида промолчала… Вместо этого она взяла с трельяжа стакан с водой и протянула мне под пепел.

Выкурив сигарету до половины, я спросил:

– Почему в воскресенье?

– Три дня. Она всегда так приходит.

– Сегодня пятница.

– Она пришла не сегодня.

Я посмотрел на жену. Сглотнул вставший в горле комок.

– А когда?

– Вчера вечером.

Маятник провалился вглубь. Закружилась голова – то ли от табачного дыма, то ли от услышанных слов.

– Почему ты не сказала?

– Было поздно, ты спал. Не хотела тебя будить.

– Наверное, всё-таки стоило.

– Наверное, – кивнула жена. – Но я этого не сделала.

Я отвернулся и потушил окурок в стакане. Задумавшись, провел пальцами по шраму на шее.

– Будешь теперь обижаться? – спросила Лида.

– Нет, конечно. Не говори глупостей.

– Хорошо… Это хорошо.

Мы долго молчали. Затем я спросил:

– Ты уверена, что не ошиблась? Может, тебе померещилось?

Лида усмехнулась и мельком глянула в зеркало.

– Нет. Не померещилось.

– А, вообще, ты нормально себя чувствуешь?

Лида издевательски повела бровью.

– Ну в смысле, я хотел сказать… В плане самочувствия. Физического. У тебя ничего не болит?

– Нет, кот. У меня ничего не болит.

Я кивнул. Стало словно бы легче.

– Давай я всё-таки позвоню Вике. Она проведёт тебя на томографию, сделаем всё за день, там посмотрят…

– Андрей, – перебила меня Лида. – Давай договоримся. Никаких врачей, хорошо? И тем более Вики.

– Это не займёт много времени. И самой Вики не будет, она просто скажет, кому нужно…

– Андрей.

– Ладно, – кивнул я.

Уставившись в пол, несколько раз провёл ладонями по опухшему за ночь лицу. Голова не успела толком проснуться. Мысли кружились в беспорядке, цепляясь одна за другую. Мутные, рваные образы, словно покрывшиеся паутиной снов.

Лида вновь отвернулась и посмотрела в трельяж. Она разглядывала в нём кого-то.

«Ты знаешь кого, Андрей. Не изображай идиота. Ты ведь помнишь этот запах. Конечно, помнишь… Ты никогда его не забудешь. Кто угодно, только не ты. Ты знаешь, как будут пахнуть эти три дня, знаешь, как будут пахнуть простыни и подушки. Сырой болотный запах, который не выстираешь никаким порошком. Ты ведь помнишь. Он пройдёт сам. Через три дня».

Меня словно выдернули из кровати и бросили на три года назад.

Казалось, будто ночной кошмар пробрался из сновидений в реальность. Невидимое чудовище опутало щупальцами комнату, а вместе с ней и всю жизнь. Чудовище крутило, сжимало, ломало хребет. Совсем как тогда – в тот самый ноябрь.

Нет. Она не посмеет забрать и её. Я не переживу это снова.

– Кот, прошу, не нужно…

Я не заметил, как потерял контроль. Только почувствовал, как живот сводит болезненной судорогой. Затем понял, что задыхаюсь.

Я закрывал лицо ладонями и сжимал зубы, пытаясь сдержать слёзы. Чувствовал, как присевшая рядом Лида гладит меня по спине. С её пальцев струилось тепло. Словно золото, словно древесный сок. Незримые нити скользили по коже, проникали в сосуды и разливались по телу успокоением.

Не знаю, сколько это продолжалось. В конце концов, боль просто закончилась. Ещё какое-то время я вздрагивал, как в

посмертных конвульсиях, а потом опустил ладони. Посмотрел на Лиду. Её чёрные волосы лились по шёлку ночной рубашки. Они пахли хвоёй, совсем как новогодняя ёлка. Такой тёплый и праздничный запах, что невольно захотелось мандаринов.

Я прижал жену к себе и почувствовал, как её тепло заполняет образовавшуюся в груди пустоту. Чёрные локоны Лиды пахли детством и радостью. Никакой не рекой.

«Этого не случится, – пообещал я себе. – Больше не позволю».

Болотный смрад кружил где-то рядом, но был не в силах победить Лиду. Мою златоглазую любимую Лиду.

– Когда ты хочешь уехать? – спросил я.

Лида прикусила губу.

– Прямо сейчас.

– Хорошо, – я кивнул. – Если так, то готовь вещи. Поедем в Рощу. Проведём вместе эти три дня.

***

Всё было не по-настоящему и, конечно, происходило не с нами. Ведь, если б Лида и вправду умирала, то наша машина бы не сломалась, и мы бы не ехали за город на такси – в прокуренной иномарке, в компании надоедливого водителя.

Всё это было лишь сном. Навязчивыми видениями на фоне вечного стресса.

Тем утром мы долго и основательно собирались. У нас

оставалось меньше трех суток, а мы транжирили время и разгуливали по квартире, словно уже опоздали, и теперь можно не торопиться.

Лида ходила по комнатам. Водила ладонью по стенам и мебели. Поливала цветы и шептала им что-то нежное. Протирала листья и стебли… Листья и стебли шептали ей что-то в ответ. Зелёные, сочные, полные жизни.

Когда чемодан был собран, Лида посмотрела на меня – коротко, с просьбой во взгляде. Я кивнул. Знал, что ей это нужно. Мы подошли к детской.

Перед тем как войти взялись за руки. Постояли у порога пару мгновений. Потом Лида повернула дверную ручку. В комнате Алисы всё было так же, как и три года назад. Ни у кого из нас не поднялась рука хоть что-то здесь изменить, и поэтому время тут схлопнулось, словно на фотографии.

На розовых обоях висели плакаты с динозаврами и планетами. Мальчишеская любовь дочери к космосу и древним ящерам всегда умиляла меня. Помнится, однажды я зашёл в детскую и увидел, что над плакатом тираннозавра висит картинка с горящим метеоритом. Рядом с ящером угловатыми буквами была нацарапана фломастером надпись. «ЗАТО НИ НАДА БОЛЬШЕ НА РАБОТУ». Я смеялся тогда до самого вечера.

В дальнем углу комнаты сидели игрушки. Компания плюшевых друзей. Я помнил их по именам: Медвежонок, Принцесса, братья Волчата, и Барсик, который на самом деле был

крокодилом. Место посередине было пустым. Раньше там жил главный любимец – Заяц. Белый, ушастый, одетый в рубашку с оторванной пуговицей. Алиса таскала его везде с собой. Именно он разделил с ней последний сон.

Я закрыл глаза. На мгновение в ушах зазвучал ливень… Капли барабанящие по чёрным зонтам. Ручейки, стекающие в землю с лакированного дерева.

Скрипнул комод, и я очнулся. Лида достала из ящика черное платьице в желтый горошек.

– Кот. Хочу…

– Конечно. Бери.

Лида благодарно кивнула. Она сложила платье в несколько раз и с нежностью провела ладонью по ткани. Затем взглянула на детскую и вместе со мной вышла в гостиную.

…мы ехали в трясущейся прокуренной иномарке, и позади оставался город с его серыми зданиями, серым небом и серой рутиной. Бетонные коробки становились всё меньше и ниже, пока не превратились в полуразрушенные деревянные халупы. Потом жилые дома и вовсе исчезли. В запотевшем окне проносились лишь автозаправки, придорожные кафе и гостиницы. Через какое-то время не осталось и их. Дорогу обступил лес. Изредка его разрезали высоковольтные линии с четырехногими башнями, и каждый из этих решетчатых исполинов напоминал мне неудачную пародию на новогоднюю ёлку.

В салоне машины потянуло сыростью.

Просто проехали Енисей, подумал я.

Лида сидела рядом, положив голову мне на плечо. Всё что я хотел – это ехать с женой вдвоём, слушая тишину, но водитель такси то и дело нарушал наш покой. Он оказался конченой сукой, этот водитель. Дело было даже не в том, что он содрал с нас втридорога, – деньги уже не имели значения, – а в том, что этот лысый, похожий на обезьяну таксист не понимал очевидных намёков. Каждый раз, когда он начинал разговор о политике, или ещё о чем-то настолько же мерзком, я смотрел на него в зеркало заднего вида и убедившись, что он видит, едва заметно качал головой. Мол, мужик, давай завязывай. Просто молчи. Лысый не понимал, либо делал вид, что не понимает. Очевидно, ему было скучно ехать два с половиной часа, погрузившись в молчание, поэтому не проходило и пяти минут, как он снова нарушал тишину. Чем больше он раскрывал рот, тем сильнее оттуда сквозило глупостью. Лысый был младше меня лет на десять; казалось, только вчера выпустился из техникума, а говорил с таким видом, будто имел учёную степень по политологии. Он талдычил про особую судьбу России и врагов на Западе. Говорил о патриотизме и о других неуместных вещах. Мне хотелось ударить его головой о руль.

Потом он включил музыку. Бьющую басом дешёвку про кокаиновые дорожки и шлюх. Я не выдержал.

– Слушай, родной. Приглуши шарманку, будь другом.

– Да ладно, че? Нормальная песня, – возразил таксист. –

Качает.

Я глубоко вдохнул.

– Андрей… – погладила меня по руке Лида.

– Попробуем ещё раз, – сказал я и посмотрел в водительское зеркало. – Выключи, пожалуйста, музыку.

Таксист поймал мой взгляд. И тут же опустил глаза. Он словно уменьшился в размерах – вжался в сидение, осунулся и, потянувшись к панели, щёлкнул кнопкой. Музыка затихла.

– Спасибо, – произнёс я, с трудом не добавив крутившееся на языке оскорбление.

Лида улыбнулась и погладила меня по голове.

– Всё хорошо, кот. Не злись.

Я опустил ресницы в знак согласия. Сжал Лидину ладонь и уставился в окно. Очень хотел ни о чём не думать, но мысли летели сами – одна за другой. Все мрачные, словно осеннее небо.

Лес за окном сменился полями. Трава на них пожухла, упала и оголила черноту земли. «Мир умирает, – подумал я. – Всё умирает». Подумал и вспомнил, что скоро придёт зима. Придёт обязательно, как приходит всё неизбежное. Когда мы с Лидой вернёмся в Красноярск, холодный ветер уже сорвёт с деревьев листву. Он обсыплет ею тротуары, забьёт ливневую канализацию, и с первым серьёзным дождем город, как обычно, утонет.

А потом выпадет первый снег. Как всегда неожиданно. Из

домов повылезают люди – восторженные, удивлённые, словно и не в Сибири живут. Казалось бы, что диковинного в этой белой искрящейся порошке? Это ведь происходит год за годом. Как можно быть не готовым к тому, что неизбежно наступит?

Как оказалось, можно. Ещё как можно.

«Ты вернёшься в Красноярск один», – мелькнула мысль, и в груди невыносимо засвербело. Захотелось курить. Я попытался успокоиться. Попытался поймать то бездумное тягучее состояние, которое порой наступает, когда очень долго всматриваешься в вид за автомобильным окном.

За грязными стеклами проплывали разрушенные посёлки. Поросшие бурьяном улицы, покосившиеся заборы, дырявые крыши. «Неужели в этих домах до сих пор кто-то живёт?» – подумал я. Безобразные кривые постройки торчали из земли скелетами, словно все эти деревни давным-давно похоронили, но земля их не приняла, и выдавила сгнившие избы наружу.

Посёлок, в который мы ехали с Лидой, был совершенно не похож на эти мёртвые земли. Там, в Роще, всё ещё жила русская сказка, которую не коснулись годы. Будто дух места, спрятавшись за тайгой, пережил все войны, голод, развал страны, а главное – стремительно надвигающееся будущее и перемены, не щадящие никого.

В моём будущем до перемен оставалось меньше трех дней…

В воздухе вновь потянуло рекой. Енисей был далеко позади, но запах большой воды неотступно шёл вслед за нами. «Потому что никакой это не Енисей», – сказал я себе, и курить захотелось ещё сильнее.

Мне стало интересно, где *она* сейчас? Где её видит Лида? Может, она сидит рядом – вот здесь, на заднем сидении? Или летит вслед за машиной? В белом сарафане, с чёрными глазами, как в одном из рассказов, что я читал в детстве.

«Снова ты пришла. Снова рядом…»

В молодости я был знаком со смертью чересчур близко. В силу профессии. Каждый день чувствовал её дыхание за левым плечом. А после того, как поверил в видения Лиды, работать следователем больше не мог. Смерть стала для меня живой.

Каждый раз, стоя на пороге очередного дома, в котором орали пьяные голоса, я чувствовал, как она смеётся мне в спину. «Заходи, не бойся, Андрей. Всё равно не убежишь, когда захочу прикоснуться. Так иди же, делай свою работу». Я шёл и делал. Боялся, конечно. Бывали моменты, когда приходилось заходить одному в грязные, насквозь пропитавшиеся вонью притоны, сжимая в кармане лишь дешевый китайский электрошокер. К счастью, никто так и не кинулся на меня с ножом, и не ударил ничем тяжелым. Максимум, что случалось – это немного брани и чуть-чуть дерзких жестов. Правда, и они пропадали, стоило намекнуть, кто в доме хозяин. Общаясь с пьяными уголовниками, я, словно захо-

дил в клетку со львами. Не показывать страх. Не суетиться. Знал, что стоит немного проявить слабость, и шанс того, что незримая спутница прикоснётся, тут же взлетит до небес. А я вовсе не хотел взлетать до небес. Тем более я догадывался, что мне скорее в другую сторону – туда, ближе к земному ядру.

«Рай, ад… Такие сказки…» – подумал я. И вспомнил вдруг картину, которую увидел однажды в сети. Кажется, она называлась «Старый рыбак». На ней был изображен старик, опирающийся на трость. Он смотрел с холста чуть исподлобья, совсем как живой. Не злой и не добрый, а просто усталый. У картины имелся секрет. Когда к её середине подносили зеркало, старик превращался то в Бога, то в дьявола, в зависимости от того, какую половину заменяло собой отражение. «Вот и куда ему? – думал я. – В рай или в ад? По каким правилам происходит распределение? В мире нет никого доброго, как нет и злого. А значит нет ни небес, ни преисподней. Всё – сказки. Нет ничего после смерти. Одна лишь тьма. Да и тьмы, наверное, нет. Просто ничего».

– Чего-о? – заворчал водитель, – чё ты машешь мне палкой своей? Приехали, твою мать.

Нас остановили на посту. Полицейский сообщил таксисту, что тот забыл включить фары, и пригласил для составления протокола.

– Кажется, это надолго, – сказал я. – Пойдем, подышим воздухом?

Лида кивнула, и мы вышли из иномарки.

По трассе проносились автомобили. Из-под колёс летел грязный щебень, и от шума звенело в ушах, поэтому мы решили уйти с обочины. Рядом с полицейским постом оказалось кафе. Оттуда тянуло древесным углём и жареным мясом.

Не сговариваясь, мы с Лидой пошли на запах. Купили по порции шашлыка, который подавали здесь в пластмассовых тарелках, пополам с овощами и сладким луком. Встали за высокий столик на улице – так, чтобы увидеть водителя, когда тот выйдет от полицейских.

– Андрей.

– Да?

– Много нам осталось?

Вопрос вогнал меня в ступор. Потом я понял, что Лида имеет в виду лишь дорогу.

– Через час будем на месте, – сказал я, взглянув на часы. – Ещё двенадцати нет. Успеваем.

Лида посмотрела в сторону и улыбнулась, прикрыв на секунду ресницы. Я почувствовал себя идиотом.

– Прости.

– Всё хорошо. Забудь.

Я уткнулся в тарелку. «Успеваем». Нашёл, что брякнуть.

Лида съела кусочек мяса и одобрительно замычала.

– А у них тут вкусно. Жирновато, но вкусно.

– Хочешь, приготовлю кролика вечером? – предложил я.

– Хочу. Только где найдёшь крольчатину? Думаешь, у них есть в магазинах?

– Наверняка кто-нибудь разводит. Купим живого.

Лида задержала на мне осуждающий взгляд.

– Что? – развёл я руками.

– Ничего. Сам будешь свежевать.

– Договорились. Как приедем, позвоню Максу. Он точно знает, кто у них в Роще разводит ушастых.

– Ты бессердечный живодер. Ты в курсе?

– Возьмем кроля и как следует поперчим.

– Заткнись, родной.

– Потом зарумяним на оливковом масле.

– Как у тебя рука поднимется?

– Потушим в сливочном соусе. С грибами, тимьяном и луком…

– Чёрт… Помолчи, пожалуйста. Я хочу кролика.

– И съедим, запивая вином.

– Ну что ты за сука, Андрей.

Лида отвернулась и глубоко вздохнула.

– Замечательно. Ты опять выиграл, – сказала она, – ладно, сегодня на ужин кролик. Дай мне сигарету.

Я достал пачку и протянул Лиде.

– На вкус как портянка, – сказала жена, поморщившись. – Не понимаю, почему раньше мне это нравилось?

– Это с непривычки. Скоро пройдёт.

Я достал сигарету и закурил вместе с Лидой. Дым погасил

неприятную щекотку в груди, которая разрасталась последние два часа из-за нехватки никотина. Какая же глупость, подумал я. Курить табак – всё равно, что отрубить себе ногу и радоваться каждый раз, когда надеваешь протез. Потерять покой, чтобы вновь и вновь обретать его.

Подумав об этом, я вспомнил, что скоро потеряю Лиду, и в первое мгновение эта мысль доставила мне удовольствие. Короткие расставания шли нам на пользу. Отношения после таких непродолжительных пауз очищались от бытовой пыли и вновь становились чистыми и уютными, словно квартира после уборки.

Потом я вспомнил, что расставание будет вовсе не коротким, и маятник снова качнулся – совсем как утром. Тяжесть свалилась в глубину, куда-то под желудок.

– Какая же гадость, – сказала Лида, выбрасывая сигарету. – О чём задумался?

Я не ответил.

– Что ты сказал Максиму? – жена притворилась, будто не заметила моего молчания.

– Насчёт?

– Насчёт дома.

Я пожал плечами.

– Просто попросил пожить пару дней. Макс согласился. Ему редко удается вырваться в Рощу, а за домом надо присматривать.

– Андрей.

– Да?

Лида взглянула на меня с таким выражением, словно я должен был немедленно извиниться.

– Ты ведь понял, – сказала она.

– Эм… нет.

– Андрей.

– Что?

– Не крути, пожалуйста. Ты планируешь остаться на все три дня?

– Разве ты не этого хотела?

– Я думала мы вернемся в воскресенье утром.

– Зачем? – не понял я.

– Тебе не кажется, что иначе будет некрасиво по отношению к Максиму?

А вот теперь понял. Стало тошно, потом больно, а через мгновение всё прошло. Я не верил, что это действительно произойдёт.

– Андрей, ты же следователь, пусть и бывший. Ты знаешь, что будет. Все эти процедуры, осмотры… Участковый в грязных ботинках. Давай лучше уедем домой пораньше.

– Лид, пожалуйста, не хочу об этом…

– Андрей, – она не позволила закончить фразу. – Пожалуйста, не пытайся верить в чудо. Мы это уже проходили.

– Лид…

– Послушай меня, – голос Лиды стал низким и громким. – Я не просто так тебя об этом прошу. Чем дольше ты бегаешь

от неизбежного, тем меньше времени нам остаётся. Пойми… Я хочу быть с тобой. Именно с тобой – с настоящим. С искренним и прямым – с таким, с которым я провела двенадцать лет. Пожалуйста, кот… Я не хочу, чтобы в последние дни ты бегал от разговоров и боялся меня задеть. Или избегал каких-то тем, потому что они приносят боль. Я прекрасно знаю, что ты чувствуешь. Мы проходили это. Вместе проходили. Пожалуйста, давай не будем повторять ошибок.

Она говорила и говорила, а я в какой-то момент вдруг перестал её видеть. Слёзы выступили сами собой – предательски, неосознанно. Я пытался сдержать их, пытался не показывать слабость и прятал глаза, склонившись над столиком. Мне было стыдно перед женой, и я делал вид, что борюсь с залетевшей соринкой, но от осознания того, насколько глупо и жалко сейчас выгляжу, становилось ещё хуже, и мне приходилось задерживать дыхание и прикусывать губы, чтобы хоть как-то погасить накатывающий приступ.

Её ведь увезут, разденут, разрежут на части. Мою Лиду, мою жену. Вчера я купил ей серьги – из белого золота с рубинами. В воскресенье их снимут с Лиды. Это сделает санитар: сначала небрежно задерёт волосы и откинет их в сторону, на секционный стол, потом будет долго материться выковыривая металл из ушей. Потом…

Захотелось закричать и сломать что-нибудь. То же самое они сделали когда-то с Алисой. Раскрыли живот, вытащили всё наружу, разрезали, распотрошили. Я не видел, но знал.

Так всегда делают. Я видел сотню других вскрытий. Все они одинаковые. Всё равно, что разделать кролика.

– Тебе нужно поспать, – сказала Лида.

По телу разлились знакомые волны тепла. Лида держала меня за руку.

– Постарайся подремать немного в машине. Хотя бы полчаса. Это поможет.

– Я закажу такси на утро воскресенья.

– Забудь. Я передумала.

– Что?

– Мы останемся. Только поспи чуть-чуть, пожалуйста. А когда проснёшься, мы уже будем в Роще. Поспи, кот. Тебе предстоят тяжелые три дня. Многое случится. Многое придётся увидеть.

– О чём ты говоришь?

– Ты поймёшь. Позже. Пока тебе просто нужно немного поспать. Идём, кот. Вон, кстати, наш водитель.

Я кивнул, и мы пошли к автомобилю.

Чувствуя, как в груди всё рвётся от боли, я думал лишь об одном. Как мне жить дальше, после того, как эти три дня закончатся?

***

Я проснулся, когда машина остановилась. Протёр глаза. Осмотрелся.

Дом стоял на краю посёлка, предпоследний на улице. Сю-

да вела лишь одна дорога – с трассы через центр, а потом на окраину, в глубину леса. Метров через пятьдесят грунтовка заканчивалась тупиком, и дальше высилась берёзовая роща. Лес окружал улицу с трёх сторон, листва шумела повсюду. В солнечном свете берёзы сияли золотом, а когда солнце пряталось за облаками, золото превращалось в янтарь. Вдали на холмах темнела тайга.

Я вышел из машины и окинул дом взглядом. Последний раз приезжал сюда три года назад, и с тех пор ничего существенно не изменилось. Только деревянный забор местами прогнил у земли.

Дом был двухэтажный, бревенчатый, с простенькой двухскатной крышей. Я посмотрел на тёмно-зелёную кровлю и вспомнил, как мы с Максом выкладывали эти листы черепицы. Мне тогда дали отпуск, и я решил помочь другу в строительстве. Крышу мы с ним так и не сделали, а из пяти дней проработали максимум сутки. Закончилось всё тем, что спустя неделю в палату местной больницы влетела Лида. Она вежливо попросила врачей удалиться, а потом с матом и проклятиями избила меня сумочкой прямо под капельницами. Это был последний случай, когда я уходил в запой.

Вспомнив об этом, понял, что в ближайший месяц мне нельзя приближаться к спиртному. Если начну теперь, то больше уже не выплыву.

– Блин, сдачи не будет, – сказал водитель, крутя в руках две пятитысячные купюры. – Мельче нет?

– Оставь себе.

– Давай телефон мой запишешь. Если обратно со мной поедете, в счёт пойдёт.

– Забудь, – махнул я рукой. – Открой лучше багажник.

– Сейчас помогу, – закопошился лысый.

Он занес сумки во двор, дотащил до крыльца. Потом всё-таки написал на бумажке свой номер, вручил мне и уехал.

Мы остались с Лидой вдвоём. Было непривычно тихо. Ни шума автомобилей, ни людских голосов. Только ветер шелестел листвой, обрывая её с деревьев.

– Пойдём? – улыбнулась Лида.

– Пойдём.

Я несколько раз обошёл вокруг крыльца. Ключ лежал где-то под ним. Макс сказал, нужно отодвинуть дощечку – ту, которая с ржавым гвоздём – и там будет тайник. Но вот незадача. Гвозди проржавели везде.

Подумав немного, я остановился слева. Трава здесь была вытоптана сильнее, а под одной из досок не росла вовсе.

– Бинго, – я сдул с ключа пыль. – Следачий опыт не пропьёшь. Хоть я и пытался.

– Открывай уже, – усмехнулась Лида, поднимаясь на террасу.

Я повернул ключ несколько раз, замок щёлкнул, дверь приоткрылась сама собой с тихим уютным скрипом.

Дом встретил пылью и затхлостью. Я чихнул.

– Давненько здесь никто не бывал, – поморщилась Лида. –

Пожалуй, приберусь первым делом.

– Сними хотя бы пальто.

Внутри, как и снаружи, ничего не поменялось. Весь первый этаж представлял собой большую гостиную – два дивана, стоящие уголком, журнальный столик и большой книжный шкаф у лестницы. Кухня была тут же слева, там располагался и обеденный стол. Но главный козырь – это, конечно, камин у противоположной стены. Настоящий, сложенный из белого кирпича.

– Куда положить вещи? – спросила Лида.

– Шкаф в спальне, наверху. Я подниму.

Дотащив сумки до середины лестницы, оглянулся и не сдержал усмешку. Лида уже протирала пыль.

Пыхтя, я кое-как победил ступеньки и вскарабкался с чемоданами в мансарду. Сделав шаг к шкафу, запнулся о край ковра. Выматерился. Единственное окно наверху выходило в сторону леса, и поэтому в спальне всегда стоял полумрак. Нащупав на стене выключатель, я щёлкнул кнопкой, и на стенах зажглись светильники. Светлее особо не стало, но по крайней мере, можно было передвигаться по комнате без риска разбить себе голову.

Задвинув чемоданы в угол, сел на кровать, чтобы перевести дух.

«Да уж… – подумал я. – Всего тридцать пять, а сердечко стучит, и даже вспотел немного. Вот так незаметно и приходит старость».

Я долго пытался восстановить дыхание, и когда наконец отдышался, то почувствовал себя совершенно пустым. Не осталось ни мыслей, ни гнева, ни страха. Утренние истерики иссушили, надрезали острой болью подобно тому, как лесники по весне надрезают берёзу. Жизненные силы вышли из меня вплоть до последней капли. Хотелось откинуться на кровать, закрыть глаза и утонуть в чёрном бесконечном ничто.

Так я и сделал. Рухнул на подушку и лежал минут десять, слушая тишину. Даже не заметил, как на душе вдруг стало легко и свободно… Боль не исчезла, но изменилась. Она уже не была пульсирующей, а стала тягучей и долгой, как боль от ноющего зуба. После утренних вспышек эта боль казалась вполне терпимой.

Мне стало душно. Решил проветрить комнату. Встав с кровати, я подошёл к окну и повернул ручку вверх, приоткрыв путь свежему воздуху. Стоя у подоконника, засмотрелся на осенний лес. Затем опустил глаза и глянул на соседний дом.

Старый почерневший пятистенок клонился набок. Ставни на окнах были распахнуты. За мутными стёклами желтели шторы. Отсюда не было видно, но я помнил, что во дворе за домом стоит летняя беседка. Раньше мы с Максом часто ходили туда – в гости к соседу. Купив в магазине пару бутылок, проводили в беседке вечера, слушая, как захмелевший старик Колебин рассказывает нам истории о своей молодо-

сти. Когда-то давно он был археологом. Объездил всю страну с экспедициями. Жил в балках да в палатках, пока не переехал в Рощу. Нашел себе здесь жену и вместе с ней поселился в доме на краю леса.

«Прям как и мы с Лидой теперь» – мелькнула мысль.

По коже будто провели невидимым пёрышком. Мне показалось, что из соседского дома кто-то смотрит. Я попытался разглядеть что-нибудь в окнах, но шторы там висели плотно. К тому же, подводило зрение. Очки я забыл на тумбочке, когда выходил утром из квартиры. Не критично, конечно. У меня было минус полтора, и очки я надевал только, когда садился за руль, но теперь мелкие детали размывались на расстоянии. Глаза быстро устали. Я помял пальцами переносицу и сел обратно на кровать.

Несмотря на приоткрытое окно, в доме было всё так же жарко. Батареи топили на полную. С одной стороны, подумал я, центральное отопление – это конечно, хорошо. Меньше возни. Но с другой, духота здесь порой невыносимая.

На лице вновь выступила испарина. Я полез во внутренний карман ветровки, чтобы достать платок, и пальцы вдруг наткнулись на какой-то кубик.

Это была коробка с серьгами. Чёрт, ну конечно! Совсем забыл про них…

«Подарить сейчас или дождаться ужина?»

Поразмыслив, я крикнул:

– Лида!

– Что? – донеслось снизу.

– Смотри, что нашёл!

– Сейчас, подожди…

– Лида, это срочно! Ты должна увидеть!

Расслышал тихую ругань и улыбнулся. Нет смысла ждать вечера, подумал я. Мне показалось глупым поздравлять Лиду с днём свадьбы в самые последние часы праздника.

– Господи, кто строил эту дебильную лестницу? – проворчала Лида, поднявшись.

Я сделал вид, что не расслышал упрёка. Эту лестницу тоже делали мы с Максом.

– Смотри, что под кроватью лежало.

– Что там?

– Ну ты взгляни.

Лида подошла ближе, прищурилась, пытаясь разобрать в тусклом свете, что именно я ей протягиваю. Потом её взгляд упал на знакомый логотип ювелирного магазина. Лида невольно раскрыла рот совсем, как ребёнок. Она схватила коробочку и нетерпеливо раскрыла.

– Андрюша! – Лида запищала от радости и кинулась меня обнимать.

– С двенадцатой годовщиной, царевна.

– Они восхитительные! Просто восхитительные! Я обожаю тебя, кот!

Она поцеловала меня несколько раз, потом вытащила серьги из коробочки и тут же начала их примерять, предва-

рительно вытащив старые гвоздики из ушей. Когда серьги были на ней, я понял, что угадал с подарком. Английские замочки были созданы для Лиды. Рубины переливались на свету, как два волшебных огонька, обрамленные лунным сиянием, и идеально подходили к её янтарным глазам.

Лида подбежала к шкафу. Открыла дверцу, чтобы взглянуть в зеркало… И закричала.

Она шарахнулась назад. Взмахнула руками.

Я вскочил, чтобы подхватить её, но Лида уже успокоилась. Закрыв глаза, она держалась рукой за спинку кровати и глубоко дышала.

– Закрой…

– Что?

– Закрой шкаф.

Я закрыл. И тут же почувствовал, как в воздухе потянуло сыростью – сильно, нестерпимо. Мне пришлось распахнуть окно настежь. Сентябрьский ветер хоть и не сразу, но всё же прогнал запах болота из комнаты.

– Пойдём вниз, – сказала Лида. – Хотя нет… постой.

Она подошла к сумкам и достала оттуда чёрный пакет.

– Теперь пойдём. Не хочу здесь.

Мы спустились в гостиную. Сели за стол. Примерно с полминуты мы молчали, а потом я не выдержал и спросил:

– Там была она?

Лида сглотнула ком, прикрыла глаза и кивнула несколько раз.

– Она всегда там. Просто сейчас… – Лида подумала, а затем махнула рукой. – Ладно. Забудь.

– Говори. Ты сама просила не избегать.

– Давай потом.

– Лида.

– Что?

– Ты хочешь, чтобы я говорил с тобой прямо. Это должно быть взаимно.

Лида выдохнула и опустила на секунду ресницы.

– Ладно. Ты прав.

– Что ты видела?

– Её.

– Почему закричала?

– Она была рядом. За плечом. Держала за волосы.

Меня передернуло. На секунду показалось, что за спиной Лиды я различил дымку, но видение тут же развеялось.

– Раньше было не так?

Лида отрицательно покачала головой.

– Не знаю, кот. Возможно…

– Что возможно? Говори.

– Возможно, у нас нет трёх дней.

Лида взглянула на меня виновато, устало. Так, словно просила прощения за неудобства, которые доставит мне её скорая смерть.

– Всё, – сказал я, поднимаясь из-за стола. – Хватит.

– Андрей.

Она схватила мою руку, не позволив вытащить телефон из кармана.

– Не надо, – сказала она тихо.

– Лид, я не могу сидеть и ждать. Нужно, чтобы тебя посмотрели врачи. Я позвоню Вике, и мы поедем в больницу. Это займёт от силы полдня.

– Андрей, – повторила Лида. – Не трогай телефон. Ещё мне не хватало твоей бывшей перед смертью.

– При чём тут бывшая? Вика – врач. Она договорится, чтобы тебя посмотрели быстро. Отпусти, пожалуйста, руку.

– Не отпущу. Ты не имеешь права решать за меня.

– Решать что? Жить тебе или умирать? Извини, родная, это касается и меня тоже.

Я стряхнул её ладонь и достал телефон.

– Андрей. Не надо.

Она попыталась вырвать у меня сотовый, но сделала это неловко, и телефон упал на пол. Я выругался. Поднял. Лида снова схватила меня, не давая набрать номер.

– Успокойся! – повысил я голос.

– Не звони. Слышишь? Не звони ей.

– Господи. Что за детская ревность?

– Это не ревность.

– А что тогда?

Лида не ответила. Она отпустила мои руки, но встала вплотную, дрожа от напряжения. Уголки её губ вздрагивали. Пальцами она нервно теребила юбку.

– Пожалуйста, не звони, – сказала Лида спокойным, но тихим голосом.

Я опустил глаза. Мне было больно и стыдно. Я понимал, что не должен спорить с ней – в такое важное время, когда каждая минута, проведенная вместе, стоит дороже золота. Но я не мог отпустить.

– Послушай… Милая. Давай просто съездим в больницу. Если хочешь, сделаем это не через Вику. Пока будем ехать в город, я найду частную клинику. Обещаю, если врачи скажут, что ничего сделать нельзя – вечером мы уже будем здесь.

– А если скажут, что можно?

Я промолчал. Лида давила меня взглядом, ожидая ответа.

– Если скажут, что можно… – я вздохнул. – Будем решать.

Лида посмотрела в сторону и покачала головой. Я хорошо знал этот жест. Жест разочарования.

– Потеря времени, – сказала Лида. – Дело не в Вике. И не в ревности. Я просто не хочу бессмысленных катаний туда-сюда.

– Лид…

– Может, я вообще не больна? С чего ты взял, что я умру именно от болезни?

– Ты не умрёшь.

– Андрей, хватит.

– В этот раз всё будет по-другому.

– Хватит, пожалуйста! – голос жены сорвался. Лида была

близка к тому, чтобы расплакаться. – Прошу тебя… Мы это проходили…

Я взял её за руку. Притянул к себе.

– Пожалуйста, успокойся. Просто прошу тебя: не сдавайся.

Я приподнял руку, в которой держал телефон. Разблокировал экран…

Лида вдруг дернула плечами и разрыдалась. Она оцарапала меня, пытаясь выхватить мобильник. В конце концов ей это удалось. Лида крепко сжала телефон. Шагнув назад, она замотала головой.

– Нет, нет, нет! – повторяла она, как заведенная. – Ты не сделаешь этого снова. Мы это проходили!

– Лида. Приди в себя!

– Хочешь забрать последние дни? Как тогда?! В прошлый раз ты так и сделал.

– Послушай меня…

– Она просила отвести её в зоопарк! – Лида закричала. – А ты увез её в больницу! Мы должны были гулять с ней, смотреть на слонов, которых она мечтала увидеть! А не заставлять её терпеть уколы. Ты этого хочешь? Этого? Хочешь, чтобы меня так же истыкали иглами? В день нашей свадьбы?

– Чёрт, да прекрати ты истерику!

– Не смей звонить. Я запрещаю тебе! Слышишь? Запрещаю забирать мои дни. Всё равно никуда не поеду. Что ты им скажешь? «Моя жена скоро умрёт. Не знаю от чего, но

сделайте что-нибудь»? Не будь идиотом! Дай мне спокойно пожить. Дай подышать чистым воздухом. Я не хочу возвращаться в этот чёртов Красноярск. Не поеду ни в какую больницу. В этом нет смысла. Мы это уже проходили! Мы…

Сказать что-то ещё Лида уже не смогла, потому что дыхание её окончательно сбилось, и вместо слов она стала издавать нечленораздельные стоны. Лида кинула телефон на стол. Развернувшись, она дошла до дивана, села спиной ко мне и закрыла лицо руками.

Лида плакала тихо. Словно боялась, что её могут услышать на улице. Она пыталась остановиться – делала глубокие вдохи, но всё без толку, её грудь вновь и вновь сводило судорогой. Лида обхватила себя руками, стараясь успокоить дрожь. На секунду мне показалось, будто она просто хочет согреться.

Я вдруг понял, что должен немедленно обнять её. Успокоить. А ещё лучше взять тот шерстяной плед с кресла и укутать её с ног до головы. Спрятать от всего мира под клетчатой тканью. Так я и поступил.

Я укрыл Лиду пледом и прижал к себе. Сидя на диване, глянул в сторону стола, на котором лежал телефон. Затем глубоко вздохнул. И сдался.

Её слёзы были страшнее смерти.

Лида дрожала. Слабость её была незнакомой, непривычной, и от того особенно пугающей. За двенадцать лет я разучился видеть в Лиде хрупкую девочку, привык замечать

только волю и силу в каждом её слове. В каждом жесте моей любимой ведьмы. А теперь она плакала на моих руках, и я вдруг понял, какого труда ей стоило оставаться спокойной всё это время.

Я вспомнил, как утром Лида сидела перед трельяжем и улыбалась, переглядываясь со мной в зеркале.

Она ведь не спала всю ночь. Видела в отражении смерть. И всё равно улыбалась ради меня. Она не хотела, чтобы я различил в её глазах страх, и поэтому держалась, лишь бы мне было легче.

Я прижал Лиду сильнее, а сам запрокинул голову. Глядя на выключенную лампочку, захотел завыть – громко, во всю грудь. Чтобы выплеснуть всю боль и отчаяние. Я держал Лиду на руках и раскачивался вместе с ней на диване, словно убаюкивая ребёнка. Вдыхая хвойный запах её волос, старался не замечать болотный смрад, витающий рядом.

Не знаю, сколько мы так сидели. В какой-то момент я вдруг обнаружил, что спина Лиды больше не вздрагивает. На секунду мне стало страшно, безумно страшно – как будто, я сорвался с обрыва. Но потом я увидел, что Лида всё ещё дышит.

Через мгновение Лида подняла голову. Пару раз шмыгнув носом, вытерла уголки раскрасневшихся глаз.

– Дай мне сигарету, – сказала она. – Пойдём, подышим.

Мы вышли на террасу и закурили.

Облокотившись на перила, смотрели на берёзовую рощу,

сияющую золотом за двором. В воздухе пахло сеном и приторным запахом умирающих цветов.

– Пошли за грибами? – предложила Лида.

Её голос охрип, но уже не звучал надломленным.

– Прямо сейчас?

– Почему нет? Пока не стемнело.

– Можно, – кивнул я. – Только дай мне хотя бы часок. Нужно кое-что сделать.

– Кролика хочешь найти?

– И это тоже.

Ветер усилился. С берёз полетели листья. Они закружились в воздухе, словно сноп искр, складываясь в причудливый узор, и эта картина заколдовала меня на пару секунд.

– Для начала, – сказал я, очнувшись, – нужно снять все зеркала в доме.

***

Последнее висело в душевой комнате. Десять минут я ходил вокруг да около, прикидывая, как бы аккуратнее его отковырять от кафеля. Глянув в отражение, расстроился, когда заметил, что волосы на висках поседели ещё больше. «Молодость уходит, – подумал я. – Уже ушла…»

Выкинул дурные мысли из головы. Вернулся к делу. Решил рискнуть – отжать зеркало отверткой…

– Блядь!

Стекло лопнуло. Пара кусочков упала на пол. «Наверное,

стоило делать это металлической линейкой» – мелькнула запоздалая мысль, но теперь-то терять нечего. Куплю новое.

Дёрнул отвертку. Зеркало треснуло пополам. Взяв в руки тряпку, я оторвал его от стены, но опять сделал это крайне неудачно. Зеркало с громким шлепком ударилось о пол и разлетелось вдребезги.

– Что у тебя там происходит? – крикнула Лида из гостиной, услышав грохот и мой трехэтажный мат.

– Всё хорошо, милая! Всё под контролем. Просто небольшая ссора с гравитацией.

Лида зашла в душевую, оценила масштаб разрушений и цокнула языком.

– Золотые руки. Узнаю тебя, кот.

– Оно слишком дерзко на меня смотрело, – сказал я, кивнув на разбитое зеркало.

Лида улыбнулась.

– Иди, я подмету. Кстати, взгляни там. Ты кое-что забыл на журнальном столике.

Я недоуменно вскинул брови. Что я мог забыть?

В гостиной ждал подарок. Издалека показалось, что на столике лежит камень, но подойдя ближе, я понял, что это шкатулка. Чёрная, гладкая – она пахла лаком и древесиной. На крышке сияла серебряная надпись:

«Нет ничего кроме любви».

Я не сдержал улыбки. Это было название песни, которую я включал Алисе, вместо колыбельной. Я провел пальцами по

витиеватым буквам. Вспомнил, как дочь засыпала под звуки ксилофона, гитары и скрипки, свернувшись клубочком в постели, прижимая к груди лучшего друга – Зайца.

Была лишь одна мелодия, которую Алиса любила так же сильно и трепетно. Она заиграла, когда я поднял крышку. Маленькие молоточки, скрытые в сердце шкатулки, зазвенели хрусталём, словно симфония падающих с неба звёзд. Это была «Für Elise».

Под сердцем укололо. В тот вечер, в больнице, перед тем, как Алиса в последний раз закрыла глаза, я соврал ей. Сказал, что как только она проснётся, мы научимся играть «Für Elise» на пианино. Алиса нахмурилась и поправила меня, сказав, что я неправильно произношу название пьесы.

«Ты же сам говорил!»

«Точно, прости. Хорошо, что ты напомнила, Лисёнок».

«А ещё мы завтра поедем в зоопарк и будем смотреть слонов. Правда, мам?»

«Конечно. Кстати, у нас с папой есть секрет, только никому его не рассказывай. Договорились?»

«Какой секрет?»

«Если хорошенько представить слонов, они обязательно придут к тебе в сон. Просто нарисуй их мысленно, и они появятся».

«Пап, это правда?»

«Конечно».

«Тогда, извините, мне некогда. Я пошла смотреть. Спо-

койной ночи».

«Спокойной ночи, Лисёнок… Спи крепко и возвращайся к нам. Обязательно возвращайся…»

Она закрыла глаза, и я включил ей мелодию, которая играла теперь из сердца шкатулки. Короткую милую пьесу, которую мы так и не выучили на фортепиано. Нежную хрустальную пьесу, которую весь мир называл неправильно, и только мы втроём знали её настоящее название.

Она называлась «For Alice».

***

Шкатулка доиграла. В комнате стало тихо. Потом за спиной послышался шорох, я обернулся и увидел Лиду.

– С годовщиной, кот, – она наклонилась и шепнула мне на ухо: – нет ничего, кроме любви.

Я не знал, какими словами выразить нежность, которая вдруг захлестнула меня, закружила и сбила дыхание.

– Тшшш… – прикоснулась Лида к губам. – Можешь не говорить. Смотри, что тут есть.

Она провела пальцами по чёрной коробке, и, видимо, нажала на скрытую кнопку. Раздался щелчок, и дно шкатулки сначала приподнялось с тихим жужжанием, а затем повернулось, встав вертикально. Открылся потайной отсек. Там я нашёл фотографии.

– Лида… это…

Слова отказывались возвращаться. Чем дальше я переби-

рал снимки, тем сильнее чувствовал, как в груди что-то сжимается и натягивается, словно пружины в шкатулке.

Их было двенадцать. По снимку на каждый год.

На первом Лида стояла в белом платье на фоне барельефных стен. Она улыбалась и щурилась, глядя на меня снизу вверх. Я держал её вытянутую ладонь и выглядел чуть смущенным. Как сейчас помню: это всё из-за той дурацкой нитки, торчавшей из погона. Вырядить меня в китель было идеей Лиды. «Я выхожу замуж за офицера. Так что слышать ничего не хочу. Ты – мой следователь, и на церемонии будешь в форме». На снимке это было незаметно, но я хорошо помнил, как та нитка выбивала меня из колеи. Голубая, тонкая, она торчала из просвета погона. Я постоянно косился на плечо, и в какой-то момент даже хотел достать зажигалку, чтобы оплавить изъян прямо посреди регистрации. А потом, когда мы с Лидой обменялись кольцами и поцеловались, Лида опустила голову мне на плечо. Всё выглядело так, словно она хотела выразить свою нежность, но затем Лида отстранилась и коснулась пальцами губ, будто поправляя смазанную помаду. Жена подмигнула мне, показав украдкой мизинец. На нём была эта чёртова нитка. Я с трудом не рассмеялся, когда понял, насколько ловко Лида всё провернула.

На второй фотографии была дата. Седьмое декабря. Здесь я сидел в белом халате и держал на руках крохотный свёрток. Рядом на больничной кровати лежала Лида. Она спала. Даже на фотографии было заметно, что в теле жены совсем

не осталось сил. На шее выступали сосуды, рот был полуоткрыт, чёрные слипшиеся волосы беспорядочно разметались по наволочке.

Третий снимок был сделан в Роще. На фоне желтых берез, высокого забора и старой, ещё не снесенной избы, что досталась Максу в наследство от отца. Позже на её месте и был построен этот дом, в котором мы теперь гостили. Я вспомнил, что фотографию делал Макс – на новенькую мыльницу «Sony». Вспомнил даже, как он шутил что-то непотребное, пока мы с Лидой сидели за двором на лавочке, и послушно смотрели в глазок фотоаппарата. На руках Лида держала Алису – в желтенькой курточке, вязаной шапке, красных сапожках… В отличие от нас, дочь не смотрела в камеру, а с интересом изучала соседа, который тоже попал в кадр. Старик Колебин стоял, облокотившись на забор палисадника, щурился от солнца и, улыбаясь, показывал Алисе пальцами «козу».

Я взял следующую фотографию…

И в этот момент кто-то громко постучал в дверь.

***

Я стоял на крыльце и растерянно осматривался по сторонам.

– Что случилось? – спросила Лида.

– Здесь никого нет.

Лида повела бровью и посмотрела таким взглядом, ка-

ким обычно награждают человека, выдавшего очевидную глупость.

– А кто, по-твоему, должен быть?

– Эм… Ну…

Я растерялся. По пустому двору гулял ветер, сбивая в кучи опавшие листья.

– Наверное, показалось, – пожал я плечами.

Закрыв дверь, я вернулся к шкатулке с фотографиями, как вдруг услышал во дворе шорох.

Кто-то опять постучал.

– Да что за…

Я подлетел к двери. Распахнул её и был готов обрушить на гостя тонну ругательств, но на крыльце вновь никого не оказалось.

– Кот, с тобой всё в порядке? – забеспокоилась Лида.

На мгновение я подумал, что это она подшучивает надо мной неведомым образом. Но чем дольше я глядел на жену, тем яснее видел её удивление. Лида не смотрела в сторону двери. Она смотрела на меня.

Я вдруг понял.

– Ты не слышала?

– Что?

– Стук в дверь.

– Что? – повторила Лида.

– Кто-то стучал.

– Андрей…

Я закивал собственным мыслям и стал ходить кругами по комнате.

– Кот! – окликнула Лида. – Всё в порядке?

– Там на улице… – я осёкся, потому что в дверь вновь начали ломиться. – Чёрт! Ты не слышишь?

Лида замотала головой, оглянулась, потом развела руками.

– Чего не слышу?!

– Кто-то стучит! Вот сейчас!

– Андрей…

– Да вот же!

Я распахнул дверь. Никого.

– Что за чёрт?! – выругался я и выскочил из дома.

Стал ходить по двору, заглядывая под каждый куст. Потом посмотрел на высокий забор, и внезапно догадался. Ну разумеется! Стучавший, наверняка, выскользнул на улицу!

За двором не было ни души. Я подумал, что схожу с ума. Оглядевшись, заметил около одного из домов велосипед – старенький, с красной облупившейся краской на раме. «Конечно! – воскликнул я в мыслях. – Никакие это не галлюцинации. Это ребятишки играются. «Стукалочку» сделали, да? Ну, сейчас найдём».

Вернувшись во двор, я начал осматривать дверь и выискивать нитку с привязанным к ней камнем, но, разумеется, никакой «стукалочки» не нашёл. Тогда я понял, что окончательно растерял смекалку, раз не могу сложить два простых

факта: если бы стучали дети, Лида всё равно бы услышала.

Мысли запутались, переплелись. Без особой надежды я проверил сарай, баню и летнюю беседку. Потом зачем-то подошёл к заброшенному и заросшему крапивой колодцу и перегнулся через мшистые брёвна, чтобы убедиться, что там никто не прячется.

Из колодца несло болотом. Я невольно отпрянул. Появилось легкое головокружение, словно после утренней сигареты. Чувствуя, как к горлу подступает тошнота, я сел на крыльцо, но тут же вскочил, потому что с улицы постучали в ворота.

– Какого чёрта?! – крикнул я и со всей силы пнул калитку.

Калитка ударилась о кого-то снаружи. Спружинила обратно. Незнакомец за забором взвизгнул, как поросёнок, и побежал в сторону леса.

– Стоять! – приказал я и выскочил на дорогу. Но не нашёл там никого. Только собственную тень.

Звуки, которые отчетливо слышались секундой раньше, исчезли. Ни визгов, ни шагов. Я прикрыл глаза ладонью, чтобы солнце не слепило, и посмотрел в сторону берёзовой рощи. Среди белых стволов увидел, как мелькнуло пятно. Через секунду понял: всего лишь взлетела ворона. Махнув крыльями пару раз, она скрылась в глубине осеннего леса.

Тогда я обернулся и хотел закурить, но пока доставал сигареты, невольно задержал взгляд на месте, где минуту назад стоял красный велосипед. И замер.

Со двора донесся голос Лиды:

– Кот, ты совсем сдурел?

Она вышла на улицу, кутаясь в пальто, и протянула мне куртку.

– Возьми. Если решил сходить с ума, то оденься хоть потеплее. Простудишься.

– Он исчез.

– Кто исчез?

– Велосипед. Он стоял там.

Нацепив ветровку, я сделал пару шагов в сторону дома, где минутой раньше, клянусь всем на свете, стояла чёртова «Кама». С облупленной краской и металлическим звоночком на руле.

– Андрей, блин, куда ты пошёл?

– Погоди минутку…

Лида цыкнула языком и, вздохнув, вернулась в дом. Кажется, она была расстроена.

«Сейчас-сейчас… только проверю» – сказал я мысленно и зашагал туда, где видел красный велосипед. Подойдя к чужим воротам, я подпрыгнул пару раз и постарался заглянуть во двор, но забор оказался слишком высок. Тогда я просто подошёл вплотную, и, найдя щель между досками, посмотрел сквозь них внутрь, ни на секунду не задумавшись о приличиях.

Во дворе стояла старая серая иномарка, повсюду валялся строительный мусор. Никаких велосипедов, игрушек, каче-

лей и детских бассейнов. Ничего, что могло бы указывать на то, что в доме живет ребёнок.

– Ладно… Всё равно разберусь, что за хрень.

Я отошел от забора. Спрятав ладони в карманы ветровки, нашёл там сигареты и закурил. Потом взглянул в сторону берёзовой рощи.

– Что б мне провалиться…

Металлический звоночек прозвенел в тишине.

В том месте, где заканчивалась дорога, и начинался лес, выглядывал из-за берёзы красный велосипед. Его держал старик, который прятался за деревом. Старик то и дело высовывался, проверяя, не заметили ли его, и когда в очередной раз показал лицо, то невольно поймал мой взгляд.

Это был Колебин. Худой, как скелет. С длинной бородой и спутанными волосами, падающими на драный тулуп. Я узнал соседа лишь по сгорбленной фигуре – он всегда стоял чуть склонившись вперёд, словно на плечи ему давил невидимый груз. Кроме этой сутулости, в старике не осталось ничего от того человека, которым я его помнил. Жёлтый, иссохший – он напоминал мумию, вылезшую из склепа.

Заметив, что я на него смотрю, Колебин перестал прятаться за деревом. Он замер и уставился на меня, словно леший. Я понял, что старик меня не узнаёт.

– Валера! – крикнул я. – Здравствуй!

Старик не шевельнулся, будто и не услышал моего оклика. «Странно… – подумал я. – Может, оглох?»

Решив подойти ближе, я сделал пару шагов в сторону леса, но тут же остановился. Тревожное, липкое чувство расползлось в груди. Будто я провалился в болото, и вязкая вонючая жижа затягивала меня на дно.

Старик смотрел и не шевелился, словно вылепленный из воска.

– Валера! – вновь крикнул я. – Это ты стучал?

Колебин отрицательно дёрнул головой из стороны в сторону. Он сделал это подобно птице – резкими, отрывистыми движениями, а затем снова замер и продолжил наблюдать за мной.

В спину мне подул сильный ветер, вырвал из руки сигарету. Холодный порыв поднял пыль с дороги, зашумел травой, но долетев до березовой рощи, внезапно оборвался, будто наткнувшись на невидимую стену. Ветви на ближних березах качнулись, а те деревья, что росли за спиной Колебина остались недвижимыми. Спутанные волосы старика тоже не дрогнули. Мне почудилось, будто сосед и вся берёзовая роща за ним были нарисованы.

Я подошёл ближе. Остановился около нашего с Лидой дома.

Старик сделал шаг назад, потянув за собой «Каму». Велосипедный звоночек задребезжал. Его металлическая трель пролетела над пустой улицей.

Когда эхо затихло, Колебин звякнул ещё раз.

Прошла пара секунд. Звоночек прощебетал снова.

И снова.

И так до тех пор, пока отдельные звуки не слились в единый вибрирующий стрекот, похожий на звон в ушах. Этот дребезжащий звон нарастал, надвигаясь на меня из леса, а затем я крикнул:

– Хватит!

И все звуки исчезли.

Старик перекинул ногу через раму велосипеда. Сгорбился над рулём. И уехал вглубь рощи на красной «Каме».

***

Чайная ложка бренчала на весь дом, словно корабельные склянки. Лида размешивала сахар.

– Набегался? – спросила жена, дуя на кипяток. – Может, объяснишь, что это был за цирк?

Она сидела за столом и смотрела на меня, чуть прищурившись. Солнце пробивалось сквозь окна, танцуя искрами в её стакане с чаем. Полуденный свет заливал гостиную. В доме было тепло и до безумия тихо – так же, как и пару часов назад, когда мы только приехали. Я сидел на диване, так и не сняв куртку, тонул в мыслях и смотрел, как в воздухе медленно кружат пылинки.

– Алло, кот? Ты меня слушаешь?

Лида постучала ложечкой по заварнику. Я вздрогнул и повернулся.

– Прости. Задумался.

Усмехнувшись, жена взяла стакан и осторожно сделала глоток – беззвучно и легко. Всегда поражался, как у неё получается не швыркать горячим чаем. Если б я так пил, то обязательно бы ошпарил язык.

– Ну так что? – переспросила Лида. – Объяснять будешь?

Я глянул мельком на входную дверь. Затем спросил:

– Ты правда не слышала стука?

– Не было никакого стука, Андрей.

– Был, – возразил я. – В нашу дверь стучали. А потом в ворота. А когда я вышел, то увидел соседа – он стоял в лесу и странно на меня смотрел, будто видел в первый раз.

– Какого соседа?

– Колебина.

– И что он хотел?

– Не знаю. Мне кажется, у него не всё в порядке с головой.

Лида прыснула от смеха.

– Что? – спросил я.

– Ничего. Просто забавно.

Лишь пару мгновений спустя я понял, почему развеселилась жена. Нелепая детская обида кольнула в груди.

– Это было по-настоящему, – сказал, нахмурившись.

Лида кивнула и вновь улыбнулась – одними краешками губ. Она посмотрела в сторону двери, задумалась о своём, забарабанив ногтями по стакану с чаем, а потом сделала ещё глоток и спросила:

– Ты чувствуешь её запах?

– Кого?

Лида указала взглядом в угол комнаты, где лежали снятые зеркала, накрытые покрывалом.

– Да, – ответил я, сообразив, о ком говорит жена. – С самого утра. Как и тогда, в ноябре.

Лида цыкнула языком.

– Паршиво.

– Почему паршиво?

– Думаю, ты слышишь знамения.

– Не понял…

– Стук в дверь. Знак о моей скорой смерти.

Лида допила чай и отодвинула стакан в сторону.

– Паршиво то, – сказала она, вздохнув, – что ты сходишь с ума вслед за мной.

Нахмурив брови, я вопросительно взглянул на жену. Она пояснила:

– Говоря проще, ты становишься колдуном.

С моих губ сорвался смешок. Опять она шутит, подумал я. Потом присмотрелся к выражению лица жены и понял – нет. Не шутит.

– Ты серьёзно сейчас?

– К сожалению, да.

– Почему к сожалению?

– Потому что у меня не осталось времени, чтобы всё тебе объяснить. Придётся тебе разбираться самому. А это бывает страшно.

Я поморщился и встал с дивана. Размял затекшие мышцы.

– Прости, Лид. Это какой-то бред.

Жена усмехнулась, словно ждала подобных слов.

– От слова брести.

– Что?

– Ничего, забудь.

– Чёрт, Лид… Я тебя не понимаю.

Остановившись у кухонной тумбы, я достал оттуда чистую кружку. Порывшись в шкафчике, нашёл пакетик растворимого кофе – открыл его, надорвав зубами. Высыпал содержимое, залив кипятком. Затем осторожно, чтобы не расплескать, подошёл к столу.

– Ладно, – сказал, усаживаясь напротив жены. – Давай-ка поподробнее. Что за знамения?

Лида сощурилась и усмехнулась. Я узнал это выражение лица. Тот самый взгляд, к которому мне так и не удалось привыкнуть за двенадцать лет. Казалось, будто жена смотрит насквозь, куда-то мне за спину и видит все мысли. Лукавый, острый, глубокий взор из-под приподнятых чёрных бровей, едва заметная складка над переносицей и тёмные пряди – вьющиеся и падающие на плечи.

– Здесь верю – там не верю, – сказала Лида. – Выбери прежде, чем слушать.

Я нахмурился. Её манера говорить вечно сбивала с толку.

– Можешь выразиться чуть яснее?

– Ты мечешься, Андрей. Мы живём вместе двенадцать

лет, а ты до сих пор мечешься. Сегодня – веришь, завтра – нет. Я объясню тебе, но, если станешь упрямиться, мы впустую потратим время.

Я присмотрелся к глазам Лиды. На секунду мне показалось, что не узнаю их. Передо мной будто сидела чужая, незнакомая женщина – похожая на жену, только гораздо старше. Зрачки её были расширены, в уголках глаз собрались морщины. Губы стали тонкими, а щеки впавшими, как у старухи. «Ведьма…» – невольно пронеслось в голове.

Я отвёл взгляд и сделал вид, что задумался.

– Хорошо, рассказывай. Не буду упрямиться.

Конечно, это было лукавство. Лида права – остатки холодного, здравого атеизма никогда не умирали во мне. Двенадцать лет я прожил в одном доме с ведьмой и видел, как она лечит больных одним лишь словом, как безошибочно предсказывает чужую смерть, не раз испытал на себе колдовской дар, и сам чувствовал сырой запах реки, но всё равно, даже спустя столько лет – я до сих пор пытался найти объяснение всем этим безумным вещам. Что-то внутри противилось миру, в котором смерть имеет человеческий облик. Миру, в котором зеркала – не просто покрытые серебром стекляшки, а врата в другую реальность. В Навь. В Зазеркалье.

И всё же я хотел знать, что скажет жена. Поэтому соврал. Лида снисходительно покачала головой, а затем спросила:

– Не отпускает чистый разум?

– Не отпускает.

– Ничего… Скоро отпустит. Ты слышал про шаманскую болезнь?

– Вроде слышал. Не уверен, что помню точно. Лучше расскажи.

Лида кивнула.

– Это сумасшествие тех, кого касается дар, – сказала она. – В каждом народе свои колдуны, но все они проходят через этот этап. Когда кажется, будто в голове звучат голоса. Из темноты слышатся шорохи. По ночам приходят кошмары – такие правдоподобные, что невозможно отличить сон от реальности.

– Похоже на шизофрению, – сказал я, осторожно отхлебнув кофе.

– Она и есть, – согласилась Лида. – «Шизофрения» – значит «раскол мышления». То, что отличает таких, как я – видящих – от обычных людей.

– Ты никогда не рассказывала, что у тебя была шизофрения.

Жена рассмеялась, и наваждение, наконец, развеялось. Я снова узнал мою Лиду – хрупкую, нежную, златоглазую. Совсем не похожую на колдунью из древних сказок.

– Давай так, – сказала Лида. – С точки зрения врачей-бюрократов, никаких расстройств у меня не было. Потому что никто мне их не диагностировал.

– Всегда знал, что у следаков и врачей один взгляд на мир. Если чего-то нет на бумаге – значит, нет и в реальности. Ну

а если серьёзно? У тебя была болезнь?

– Конечно, – кивнула Лида. – Ещё в детстве. Сразу после того, как начались первые месячные. Сначала мне просто снились кошмары. Потом начала слышать голоса, которые звали за собой. Мне повезло, потому что рядом была бабушка, которая знала, что происходит.

– Баба Надя? – догадался я, вспомнив прошлые рассказы жены.

В памяти всплыл снимок из фотоальбома – старушка в чёрном платке, сидевшая на завалинке дома. Половину её лица скрывали огромные очки, линзы которых были толщиной с бутылочное донышко.

– Она, – кивнула Лида. – Я просыпалась с криками каждую ночь, и мама решила отвезти меня к бабушке, чтобы полечить… Самое яркое, что я помню, – это, как мы с бабушкой остались одни на кухне. Бабушка подошла к печи и бросила в неё полынь. Потом сказала, чтобы я закрыла глаза и слушала, как она шепчет.

– Кто шепчет? Бабушка или печь?

– Полынь.

– Полынь шепчет?

– Да. Бабушка сказала, что она заговорит со мной. Не перебивай.

– Хорошо. Прости.

Я отхлебнул кофе и подвинулся ближе к столу. Раньше Лида никогда не рассказывала о том, как стала ведьмой. Я

думал её дар – это что-то врождённое, появившееся само по себе. Подобно дыханию, которому никто не учит младенцев. Просто потому что природа уже всё сделала за людей.

– Я сидела с закрытыми глазами, – продолжила Лида, – и вдруг услышала голос из печки. Он был тихий, далёкий… Как будто я стояла посреди поля, а впереди был лес, и из него меня звала женщина. Она звала меня по имени. И чем дольше я слушала голос, тем сильнее забывала, что на самом деле сижу на кухне. Мир, как будто дрогнул, растворился и стал мягким, как в сновидениях. Мне казалось, я могу лепить из него фигурки, словно из пластилина, менять его, как хочу. Могу изменить погоду, чужие мысли, настроение, память… Даже саму себя. Захочу – сотру своё отражение, и никто никогда меня не найдет. Захочу – нарисую маску, и никто меня не узнает.

Лида повела ладонью, будто снимая с воздуха невидимую паутину.

– А потом всё закончилось. Бабушка хлопнула в ладоши у меня над ухом, и я снова оказалась в доме. Сидела на табурете и чувствовала себя такой взрослой, будто давно закончила школу и институт. Бабушка сняла очки. Посмотрела мне в глаза и спросила, чувствую ли я силу. Я сказала, что да. Во мне было столько света… Мне казалось, если я выйду на улицу ночью, то буду сиять, словно светлячок. Бабушка напоила меня чаем и сказала, что всё увиденное – правда. Ещё она сказала, что если я захочу, то смогу летать. И вообще,

делать всё, что придёт в голову.

– Не припомню, чтобы ты летала, – не удержался я.

– А ты и не можешь помнить, – спокойно ответила Лида. – Ты в это время спишь.

– Окей, допустим, – усмехнулся я. – И что было дальше?

Лида подняла ладонь, оттопырив два пальца – указательный и средний. Я вспомнил, что такой жест видел у святых на иконах. Прикоснувшись пальцами к моему виску, Лида сказала:

– Всё, что мы видим, выбираем мы сами. Именно это бабушка пыталась донести до меня в последующий месяц, – Лида убрала руку. – Она говорила мало. Обычно приходила наутро и спрашивала, что мне снилось. А вечерами заставляла читать Библию.

Я удивился и переспросил:

– Библию?

– Да.

– Что-то не понимаю… Как можно совмещать христианство и колдовство? Разве церковь не осуждает таких, как вы?

– Осуждает, – кивнула Лида. – Но бабушка не была христианкой. Точнее, была… но не такой, как требует церковь. Если изложить суть в одной фразе, то по мнению бабушки, Писание – это и есть лучший учебник по колдовству.

Мои брови поползли вверх.

– Честно признаться, такого ещё не слышал.

– Потому что мало читал, – улыбнулась Лида. – Идея не

нова. Всё сводится к понятию веры и к тому, как мы воспринимаем реальность. «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей «перейди отсюда сюда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас».

– Это из Библии?

– Да. От Матфея.

– Чёрт, почему ты не рассказывала об этом раньше? Это интересно.

– Не было нужды, – пояснила Лида. – Так вот, возвращаясь к шаманской болезни и вере…

– Подожди. Сделаю ещё кофе. Тебе долить?

– Да, пожалуйста.

Лида подвинула мне опустевший стакан. Я быстро налил жене чая, себе размешал кофе, и тут же вернулся к столу, предвкушая продолжение истории.

– Спасибо, – кивнула Лида, остужая кипяток.

– Шаманская болезнь, – напомнил я.

– К ней и веду. Но прежде хочу, чтобы ты ответил на вопрос. Как думаешь, почему мы не помним детства?

– Эм… не знаю. Я своё помню.

Лида покачала головой.

– Не так выразилась. Я имею в виду не школьные годы, и даже не время, когда нам было по пять-шесть лет, а самое-самое начало. От момента рождения и дальше – до первого воспоминания.

– Честно говоря, я как-то думал об этом, но не нашёл от-

вета.

– Даю подсказку, – сказала Лида. – Вспомни самое-самое раннее, что сохранила твоя память. Какой это был день?

Я задумался. На секунду даже прикрыл глаза, мысленно отматывая жизнь назад. Наконец, память выдала картинку.

– Это был вечер в деревне, – ответил я. – Зима или лето – не могу сказать. Мы с двоюродной сестрой сидели в комнате и играли в какие-то деревянные фигурки, а родители были в зале. Помню, что я спорил с сестрой. Она доказывала, что мне три года, а на самом деле мне было четыре. Я пытался ей это объяснить, но она не верила. Пока я не позвал отца.

Лида улыбнулась.

– Как думаешь, – спросила она, – что здесь самое важное?

– То, что я говорил про свой возраст?

– Почти. Немножко глубже.

– То, что я спорил?

Лида отрицательно покачала головой.

– Ещё подсказку, – попросил я.

– Никаких подсказок. Ты и так почти ответил.

Я задумался, но ничего толкового в голову так и не пришло. Сдаваться не хотелось, поэтому я схитрил:

– А твоё первое воспоминание? Какое оно?

– Мы с мамой гуляли по парку, и я попросила её купить мороженное.

Вот как… Я озадачился. В наших с Лидой детских образах не было ничего общего.

Или всё-таки было?

– Ну хорошо… – начал рассуждать я. – И там, и там фигурируют родители. Но дело не может быть в них, ведь иначе все сироты страдали бы амнезией. Значит, главное в чём-то другом…

Меня вдруг озарило:

– Ага! Кажется, я понял.

– И?

– Дело в том, что мы умели говорить.

Лида улыбнулась и одобрительно кивнула.

– Да, – сказала она. – Молодец. Только, если точнее, не говорить, а понимать значение слов. Многие дети начинают говорить поздно, но понимают всё, что говорят им взрослые. А если копнуть ещё глубже, то речь идёт даже не о словах, а о смыслах. Есть глухонемые, для которых мир так и остаётся безмолвным всю жизнь. Но даже они учатся общаться – языком жестов.

– Я понял. Речь идёт о речи. О языке.

– Именно, – согласилась Лида. – Мы можем запомнить себя лишь в тот момент, когда можем себя осознать. А осознать мы способны себя, только когда у нас появляется возможность себя описать. Для этого нужен инструмент. Язык. Спроси у любого человека, и каждый тебе ответит, что его первое воспоминание появилось не раньше того момента, когда он освоил язык.

– И как это соотносится с верой и колдовством?

– Очень просто, – сказала Лида. – «В начале было Слово».

– «И Слово было у Бога, и Слово было Бог». Это я знаю. От Иоанна.

Лида чуть улыбнулась и опустила ресницы в знак одобрения.

– Умница, – сказала она.

Я в ответ лишь нахмурился.

– Всё равно не улавливаю связь. При чём тут шаманская болезнь?

– Бог, создающий реальность – это Слово. Язык. Речь. Логос. Называй, как хочешь. Реальность, которую мы видим и осознаём определяется теми смыслами, которые мы привыкли использовать. Говоря иначе – теми инструментами, которые мы выучили в детстве. Вспомни известный факт: у младенцев гениальная способность к изучению языков…. Младенец приходит в этот мир словно чистый лист. А если ещё точнее – он сам создаёт привычный видимый мир, изучая язык. И до тех пор, пока младенец не разделил Логос на части – на смыслы, на отдельные слова и знаки – он не может осознать себя, и поэтому мира, который видим мы с тобой, для него просто не существует. Младенчество – это глубокий сон, в котором у человека нет памяти. Просто потому что запоминать нечего. Смыслов-то нет. Улавливаешь?

– Смутно. Но продолжай.

– Мир младенца меняется по мере того, как он изучает язык. За фазой глубокого сна, где всё едино, следует тягучая,

медленная реальность. Реальность, в которой всё переплетено друг в друга и исходит друг из друга – как в тех снах, которые мы порой запоминаем. А затем младенец окончательно дробит мир на части, раскалывая его на отдельные смыслы-осколки. Одним из таких осколков становится он сам – его самосознание. С этого момента младенец постепенно теряет единство с миром, и уже не видит его, как что-то цельное. Младенец отделяет себя от мира, и становится тем, кого мы называем «нормальным человеком».

– Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь. Шаманская болезнь – это путь обратно?

– А ты не так безнадёжен, – похвалила меня Лида. – Шаманская болезнь – это сумасшествие. Но сумасшествие лишь для «нормальных людей», тех, чьи мозги настроены на одну волну – на одни смыслы. Колдуны отличаются от нормальных людей тем, что могут путешествовать между уровнями восприятия. Ну ты помнишь, как в тех легендах про шаманов, которые летают между мирами. Проблема в том, что «нормальные люди» представляют себе это как реальное путешествие – сел на метлу и улетел в преисподнюю. Разумеется, всё не так. Когда шаман бьёт в бубен или окуривает себя травами, он делает это лишь для того, чтобы изменить собственное восприятие. Он настраивает свой мозг на другую волну, чтобы вновь вернуться в то детское состояние, когда мир ещё не был разделён на отдельные слова-осколки. Но иногда, случается так, что путешествие происходит неосо-

знанно. Когда другая реальность сама зовёт человека. Это происходит после сильного переживания, стресса – короче, после чего-то неожиданного, что подрывает основы мира, в котором человек привык жить. И тогда человек на секунду перестаёт верить в обыденную реальность, и начинаются чудеса. Человек, сам того не замечая, оказывается в том состоянии, которое обычно предшествует сну. Когда появляются голоса в голове. Знамения…

– Или стук в дверь, – понял я.

– Да, – сказала Лида и вновь указала взглядом в сторону зеркал. – Вспомни себя. Когда ты начал чувствовать её запах?

– После того, как ты вылечила мне палец.

– А раньше? Ты ведь никогда этого не ощущал, верно?

– Верно.

– Но когда ты поверил, что я – не шарлатанка, что я действительно обладаю даром, то ты, мой серебряный, поверил в другую реальность. Ту, в которой девушка в белых одеждах является в зеркалах. Ту, в которой я могу исцелять людей силой Слова. По сути, ты заболел шизофренией. Твоё сознание раскололось. Ты видел привычный мир, но одновременно на мгновение возвращался в состояние сновидения, транса. В то состояние, в котором ты жил во младенчестве.

– Но тогда получается, всё это не по-настоящему, – сказал я. – Все эти девушки в отражениях, стуки в дверь – всё это лишь иллюзия. Игра нашего ума. Галлюцинация.

Лида усмехнулась.

– Ты действительно мыслишь как следователь. Или как врач-бюрократ. Только они не признают реальность фактов, существующих за пределами бумаги. А ты отрицаешь то, что происходит за пределами обыденного восприятия. Кто сказал, что реальность, в которой ты привык жить, менее иллюзорна, чем та, в которую ты возвращаешься каждую ночь в сновидениях?

– Сон – нереален.

– Почему?

– Потому что, когда я проснусь, его больше не будет.

– А когда ты уснёшь или умрёшь, то не будет мира, в котором находишься сейчас.

– Для меня – да. Но не для всех остальных.

– Ошибаешься, мой родной. Всех остальных тоже не будет.

Я задумался на пару мгновений. Потом ухмыльнулся и сказал:

– Чёрт. Это словоблудие, но очень ловкое. Из тебя бы вышел хороший юрист.

– Знаю. Но одного в нашей семье достаточно, – ответила Лида. – Я приведу тебе ещё пример. Мушки перед глазами. Почти каждый человек хоть раз их видел. Такие мутные прозрачные червячки, которые мешают жить, если обращать на них внимание.

– У Макса были такие, – вспомнил я. – Он рассказывал.

Вроде как они прошли сами.

– На самом деле нет, – ответила Лида. – Просто Максим перестал замечать их, и в его реальности они исчезли. Это скажет тебе любой офтальмолог: единственный способ излечиться от мушек – это забыть о них. Сознание само выбросит их из твоего мира. Так происходит и со всем остальным. В детстве ты видел и слышал то, что теперь кажется тебе нереальным. Но со временем ты перестал замечать все эти знамения… До тех пор, пока в твоей жизни не появилась я.

– Вечно от вас, женщин, одни неприятности.

– Так-так… – Лида цыкнула языком. – Пожалуй, отдам тебя феминисткам за такие фразы.

Я поднял ладони, признавая ошибку.

– Вот только давай без угроз.

– Извиняйся.

– Лида…

– Я говорю, извиняйся. Иначе напишу предсмертную записку, что это ты меня довёл.

– Хорошо-хорошо. Извините, уважаемая жена.

Лида ухмыльнулась.

– Извинения приняты.

– У тебя случайно родственников с Кавказа нет?

– Мой двоюродный дедушка был осетином.

– Оно и видно. Замашки дедушкины.

Я сказал это, и вдруг мне стало стыдно. Шевельнулось чувство вины, когда я понял, что только теперь – спустя две-

надцать лет брака – впервые узнаю о дальних родственниках жены. «Она скоро умрёт, а мы ещё не рассказали друг другу столько вещей. Сколько времени было… Сколько часов мы могли провести за разговорами вместо того чтобы ссориться по мелочам».

Я постарался собраться с духом, понимая, что если позволю теперь сожалениям взять верх, то лишь испорчу момент. «Не ной, – приказал себе. – И не сдавайся. Мы ещё поборемся с ведьмой из зеркала».

– Так вот, возвращаясь к теме, – продолжила Лида. – Насчёт путешествия между мирами.

– Слушаю внимательно.

Лида не заметила моей перемены настроения. Либо сделала вид, что не заметила. Она смотрела всё с той же хитринкой во взгляде и рассказывала свою историю:

– У моей бабушки были очки. Толстые такие, несуразные.

– Помню, – кивнул я. – Видел на фотографии.

– Каждый раз, когда бабушка начинала лечить, она снимала их и убирала в сторону. Раньше я думала, что она делает это потому, что её взгляд обладает силой. Как в том фильме помнишь? Про мутантов.

– Люди Икс что ли?

– Ага. Там был такой красавчик, который лазером из глаз стрелял.

– Его звали Циклоп.

– Он самый. Он вечно носил очки, чтобы кого-нибудь слу-

чайно взглядом не убить. Вот примерно так я себе представляла бабушку.

– Бабушка – мутант. Дедушка – кавказец. Опасная у тебя родня.

– Говоришь так, будто только сегодня об этом узнал. Ну а если серьёзно… Дело, конечно, не в самом взгляде. А в том, как бабушка видела мир. Видишь ли, в чём соль. Самое трудное – это научиться переходить из одного состояния в другое. И остаться при этом – «нормальным». То есть иметь возможность вернуться.

– Чёрт… Ты опять меня запутала.

– Я в том смысле, что нужен якорь… Не понимаешь?

– Не-а.

Лида тяжело выдохнула. Затем сказала:

– Ну ладно. Объясню проще. Помнишь, когда мы до свадьбы снимали квартиру, у нас был старенький телевизор, который показывал только два канала? И на втором канале вечно были помехи…

Она не договорила. Потому что на журнальном столике вдруг сама собой заиграла шкатулка. Мы с Лидой переглянулись.

– Это мне тоже мерещится? – спросил я.

– Не тебе одному.

Моторчик крутился. Симфония Бетховена звенела в тишине, словно из другого мира. Переливалась серебром звуков.

– Ты подводила?

– Нет.

– Я тоже нет.

Шкатулка доиграла до середины. Как раз до того момента, когда партия становится быстрее, – и вдруг замолкла. А затем начала играть снова. С первой ноты. Словно кто-то остановил механизм и подкрутил его обратно в начало.

Лида вскочила, подбежала к журнальному столику. Захлопнула крышку. Затем посмотрела в лакированное дерево и, закричав, отбросила от себя шкатулку.

– Прочь! Прочь!!!

Лида отшагнула и упала на диван, размахивая руками. Она судорожно водила по волосам, словно снимала с них паутину. Отряхивала одежду от невидимой грязи.

Я подбежал.

– Прочь! Я сказала, прочь!!!

– Лида! Это я!

Она с размаху зарядила мне ладонью в лицо. Попала обручальным кольцом по скуле. Морщась от боли, я попытался схватить жену за руки, но это оказалось не так-то просто. Глаза Лиды были выпучены, рот перекошен. Она не видела меня.

– Лида, это я! Андрей!

Наконец мне удалось скрутить её и придавить телом к дивану. Ещё пару секунд она дергалась, пытаясь меня скинуть, а затем вдруг затихла. Её спина задрожала. Я понял, что Ли-

да вновь плачет.

– Не смотри туда, не смотри, – начал я шептать ей на ухо. – Ты не умрёшь. Вот увидишь, мы что-нибудь обязательно придумаем. В этот раз она не победит. Отстоим тебя. Слышишь, милая? Мы тебя вытащим.

Лида не отвечала, а просто всхлипывала, уткнувшись лицом в диван. Я прижимал её к себе и мысленно просил помощи. Сам не знал у кого. Возможно, в тот момент я говорил с миром. С его невидимой и вездесущей силой, что дрожала в воздухе – в каждой подсвеченной солнцем пылинке. Неожиданно для себя я почувствовал, как вибрация мира пронизывает меня снизу вверх. Как свет поднимается от поясницы к плечам. Тогда я понял, что говорю с силой, которую люди называют Богом.

Тепло родилось из молитвы. Из веры в то, что я не один. Свет прошёл сквозь меня и полился через руки в тело жены. Это было странное незнакомое чувство – будто на подушечках пальцев заискрились невидимые электрические разряды.

Не знаю, сколько это продолжалось, но в какой-то момент я вдруг понял, что Лида больше не плачет. Она стихла и уснула в моих объятьях.

Я прислушался…

Дышит.

«А большего и не надо, – успокоился я. – Поспи милая. Поспи… Сегодня она тебя уже не достанет».

Никогда в жизни я не чувствовал себя таким сильным.

Укрыв Лиду пледом, посмотрел в пустоту гостиной и медленно произнёс:

– Даже не смей подходить. Её время не пришло.

Болотный смрад пролетел по комнате. Приблизился, но тут же откатился обратно, ударившись о невидимую стену света.

– Я сказал, уходи. Ты явилась слишком рано.

Окно распахнулось. Холодный ветер пронесся по комнате, сбросив с журнального столика фотографии. Я бережно собрал их в стопку. Положил в карман. Почувствовал что-то липкое на пальце и понял, что это кровь. Видимо, поранился обо что-то, пока прижимал к себе Лиду,

Вытер палец о джинсы и осмотрелся по сторонам, прислушиваясь к ощущениям. Запах реки исчез.

«Только на время, – подумал я. – Ну и пусть. Это лишь первый шаг».

Убедившись, что Лида спит, я вышел на крыльцо покурить. Глянул на ладони. Ожидал, что они будут трястись, но нет. Не было даже капли волнения, словно всё шло своим чередом.

«И давно ты привык к колдовству?» – спросил у себя мысленно.

– В день, когда женился на ней, – ответил уже вслух. И не узнал собственного голоса.

***

Я стоял на крыльце и перебирал фотографии. Пролистав несколько раз, убрал их обратно во внутренний карман и вдруг понял, что безумно хочу поговорить. Не с Лидой, нет. Она спала в доме, и не стоило тревожить её сон. Мне хотелось поболтать с кем-то, кроме жены. С кем-то, кто не знал о надвигающемся горе.

Я достал телефон и набрал номер Макса.

– Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия…

Не дослушав механический женский голос, я сбросил вызов. Затем принялся листать телефонную книгу. Дойдя до контактов на букву «В», остановился.

– Нет, – покачал головой. – Вот это точно лишнее.

Я написал сообщение Максу: *«Набери, как будет время»*. Затем убрал телефон в карман и вышел за двор.

Закурив сигарету, отправился в посёлок, чтобы купить продуктов. «Лида наверняка проснётся голодная. Пора готовить праздничный ужин». Но сделав пару шагов по улице, я вдруг остановился. Почудилось, будто кто-то смотрит в спину. Обернувшись, я задержал взгляд на соседской избе. Вспомнился старик. Несуразный красный велосипед.

«Так, ладно… Для начала, пожалуй, зайду в гости. Хоть поздороваюсь». Докурив сигарету, прошёл к концу улицы. Остановился в месте, где гравийка заканчивалась и превращалась в укатанную колею, петляющую меж берёз.

Выстроенный на краю леса пятистенок был похож на сво-

его хозяина. Заросший бурьяном, обветшалый дом Колебина гнулся к земле, словно под невидимой ношей. Бревна почернели от времени, крыша прохудилась. Изба постарела, прогнила и, кажется, была готова умирать.

Вокруг дома темнел забор. Доски в нем местами вывалились, и сквозь дыры было видно, как во дворе всё заросло травой. Я остановился в десяти метрах от калитки, окинул избу взглядом и внезапно понял.

А тропинки-то нет.

Чтобы пройти к воротам, пришлось отыскать палку и, размахивая ей, словно саблей, прорубать себе путь сквозь заросли крапивы. Местами сорняки доставали до груди – подсохшие, увядшие, пожелтевшие от ночной изморози, но всё ещё живые. Острые листья жалили кожу. Я бил палкой по жгучим стеблям, косил их пачками, и всё это напомнило мне картины из детства, когда мы с Максом – два неугомонных шалопая – ходили за деревню на поиски приключений и точно так же рубили крапиву деревянными прутьями. Воображали, будто мы – королевские мушкетеры сражаемся с полчищами врагов.

С боем продравшись до забора, я взялся за металлическое кольцо и потянул калитку на себя. Прогнившие доски поддались с трудом, словно отрастили корни и вросли в землю. Калитка приоткрылась сантиметров на двадцать, а затем намертво застряла. Пришлось повернуться боком и протискиваться во двор сквозь образовавшуюся щель.

Лишь в последний момент я увидел перед лицом ржавый гвоздь. Он торчал из угла проема.

«Чуть глазом не напоролся» – подумал я, осознав, что едва не остался калекой по собственной раззявости. Пригнув голову, я всё-таки пролез внутрь. Отряхнув пыль с куртки, огляделся по сторонам.

Картина здесь была та же, что и по другую сторону забора. Всё заросло. Весь двор. Среди кустов крапивы валялся хлам – куски досок, пустые бутылки, дырявые мешки.

«Помойка какая-то, – подумал я. – Где ж он ночует?»

Как и на улице, никакой тропинки к крыльцу протоптано не было. Мне пришлось вновь рубить сорняки. Когда я добрался до двери, ладони мои покраснели и покрылись волдырями ожогов. Боли я не замечал. Меня вело вперёд странное чувство – похожее на предвкушение, с которым рыбак смотрит на поплавок, ожидая, что тот вот-вот дернется, оживет и забьётся на воде. Это был азарт. Хорошо знакомый азарт из следачьего прошлого. С таким чувством я когда-то выезжал на убийства. Заранее прикидывал в голове схему осмотра, выяснял по пути всё, что можно было выяснить у дежурного. Охота. Игра. Погоня…

«Весёлые были времена» – подумал с легким уколом ностальгии.

Дверь в сени оказалась не заперта. Внутри пахло сыростью, грязью и кошками. Половицы были местами выдраны, повсюду валялись пивные бутылки и выцветшие пачки из-

под сухариков.

«Похоже, здесь собирается шпана», – решил я, разглядывая мусор.

В почерневшем углу сеней пол отсутствовал вовсе. Под обугленными концами лаг темнело старое кострище. «И не побоялись же бестолочи костер в избе разводить». Теперь стало ясно, зачем вырывали доски.

Дверь, ведущая из сеней в дом, болталась на одной петле. Тканевая обивка была изрезана, словно ее полосовали ножом. Я потянул дверь и отступил чуть в сторону. Петля мерзко скрипнула. В доме было темно. Я постоял на пороге с минуту, прежде чем глаза привыкли к полумраку, и лишь после этого шагнул в комнату.

Дом встретил запахом сырой земли – настолько знакомым, что в первое мгновение почудилось, будто я перенесся назад во времени. Раньше мы с Максом часто ходили к Колебину в гости, и этот запах всегда бил в нос с порога. Липкий, тяжелый, горький – он полз из углов и сочился из-под половиц. Им пропитались стены, и от его невидимого присутствия дом казался живым, молчаливым, дышащим.

«Пахнет свежераскопанной ямой, – подумал я. – С другой стороны, чем ещё должно пахнуть в доме старого археолога?»

В комнате всё было, как прежде. И одновременно всё не так. Я помнил эту белую печь в дальнем углу и обеденный стол со скамейкой. Помнил кровать на пружинах, над ко-

торой раньше висел ковёр. Пыльный сундук у стены, словно принесенный из русских сказок. Разноцветные лоскутные половики, деревянную бочку с водой, желтые шторы на окнах… Раньше всё это было живое, тёплое, а теперь поросло грязью. Покрылось осыпавшейся со стен известкой. Под потолком висела паутина – пыльными клочьями. Половицы проломлены, будто по ним скакали черти. Повсюду мусор.

«Умер дом. Давно умер… И почему ж ты его бросил, Валера?»

Я остановился перед кроватью. Посмотрел на стену. Там, где раньше висел ковёр, теперь желтела потрескавшаяся штукатурка. А на ней черные, словно сажей нарисованные, закорючки. Один и тот же узор: длинная палочка и от неё ещё три коротких в разные стороны. Будто следы птичьих лапок. Коготками вниз. Словно стая измазавшихся в золе воробьев пробежала по стене – от потолка и до пола.

«Дети что ли нацарапали?» – подумал я. Затем поднял голову и увидел, что такими же знаками изрисован весь потолок. Вряд ли бы дети до него дотянулись. Последний знак, самый крупный, был нарисован рядом с углублением дровницы, сложенной полукругом в боковой стенке печки.

Чем дольше я смотрел на закорючки, тем сильнее росло желание вернуться на улицу… Уйти подальше от этого дома. Тяжелый запах земли висел в воздухе. Будто я стоял посреди свежевырытой могилы. «А может, этот запах из тех же знамений, о которых говорила Лида?»

Подумав о жене, я подошёл к окну, раздвинул жёлтые шторы и взглянул на наш дом. Первый этаж не было видно из-за забора, зато окно мансарды просматривалось идеально. Я вдруг понял, что стою сейчас ровно на том самом месте, которое рассматривал пару часов назад из окна спальни. Мне вспомнилось, как в тот момент я испытал чувство, будто за мной наблюдают. Стоило об этом подумать, как спину обожгло чужим взглядом.

Обернулся. На мгновение показалось, будто по стене промелькнула тень.

«Мерещится… – успокоил я себя мысленно. – Просто мерещится».

Сжав и разжав кулаки, я понял, что не чувствую в руках силы. Пыльный, опустелый дом будто высасывал жизненные соки – капля за каплей.

«К чёрту» – решил я и двинулся обратно в сени.

И в этот момент позади зашуршало… Захрипело.

– Кто здесь?! – крикнул я, развернувшись.

Под самым потолком на печи кто-то скрёбся. Доски скрипели, будто на них ворочался человек. Задрав голову, я посмотрел на лежанку. Гора гнилых тряпок вдруг зашевелилась, ожила…

«Спокойно, Андрей… Спокойно».

Сердце в груди пропустило удар, когда существо на лежанке вновь захрипело. Я отшагнул назад. И наконец увидел того, кто издавал этот звук.

– Чтоб ты провалился, – облегчённо выдохнул я, заметив, что у самой стены среди тряпок сидит чёрный кот.

Это был Ирис. Старый облезлый зверь, который жил у Колебина уже лет десять, не меньше. Любимец старика. Желтые кошачьи глаза внимательно следили за мной с печи, шерсть стояла дыбом, уши были прижаты.

Заметив, что я на него смотрю, Ирис оскалил зубы. Снова захрипел.

– Ты чего, усатый? – спросил я и шагнул к коту.

Тот угрожающе выгнул спину. Издал странный звук – похожий на храп загнанной лошади. Никогда раньше не слышал, чтобы коты так рычали. Словно умирающий человек, которому пробили трахею.

– Иди-ка сюда… – я осторожно протянул руку, но кот отшатнулся, спрыгнул с лежанки и чёрной стрелой скользнул в сени.

«Странно… Почему такой зашуганный?»

Я помнил, что раньше Ирис никогда не боялся людей. Мы с Максом часто его подкармливали, когда приезжали в Рощу. По утрам кот приходил к нам на террасу и молча садился у окна в ожидании угощений. Делал он это с таким видом, будто ему ничего от нас не надо, но мы знали: если кота не покормить, он может просидеть так полдня. Еду, которую ему выносили, Ирис всегда сначала обнюхивал, словно проверял, не отравлена ли она, затем оглядывался по сторонам. И лишь после этого начинал есть. Неторопливо и важно. Да-

же чуть-чуть брезгливо.

Макс всегда говорил, что Ирис не похож на обычного кота.

«Нет, ты глянь на эти глазищи. Человечьи!»

«Ага, умные. Как будто всё понимает… Слушай, Макс. Может, он заколдованный? Принц какой-нибудь?»

«Скорее Колебин».

«В смысле? Оборотень?»

«Типа того, ага. Ты хоть раз их видел вместе?»

«Кого?»

«Колебина и кота. Чтобы они рядом перед тобой были? Я вот не помню. Сколько раз не заходил – либо старик, либо кот».

«Я своего шефа вместе с Лидой никогда не видел. Получается, когда я домой прихожу, у меня шеф в жену превращается? Или наоборот?»

«Ой, пошёл на хер. Скептик ты, Андрюха. Скучный человек».

«А ты – ребёнок».

«Лучше уж ребёнок… Дети верят в чудо. В сказку верят. А такие, как ты, умирают в сером мире».

«Мир один для всех, Макс».

«Ну да, ну да. Расскажи об этом своей жене. Или вон, тому же коту. Черт! Ты посмотри на его глаза! Скажи честно, хоть раз такого встречал?»

«Если честно, нет».

«Вот и я не встречал. Отвечаю, это колдунский кот».

«Какой-какой?»

«Ну, волшебный в смысле… Затрахал, не цепляйся к словам».

«Как думаешь, почему его Ирисом зовут?»

«Не знаю, не знаю… Слушай… А у тебя же Лида того…»

«Что того?»

«Ну… ведьма».

«И?»

«Она видела этого кота? Ничего не говорила?»

«Блядь, Макс… Ты серьёзно?»

«Да ты взгляни на него! Не бывает у котов таких глаз!»

…Провалившись в воспоминания, я не сразу заметил, что за мной наблюдают.

Желтоглазый кот прятался в сенях. Выглядывал из-за дверного косяка украдкой – точь в точь, как старик Колебин пару часов назад следил за мной на улице, спрятавшись за стволом берёзы. По телу вновь прокатилось липкое чувство, будто меня окунули в грязь.

– Ну и где хозяин? – спросил я у кота, чтобы разогнать давящую тишину.

Ирис не ответил. Только переступил с лапы на лапу и чуть повернул голову. Он разглядывал меня так, словно впервые видел человека.

– Чем ты тут питаешься, усатый? Мышей ловишь?

Мне померещилось, будто кот едва заметно кивнул. По

спине пробежали мурашки. «Может, и вправду заколдованный?» – пронеслась мысль.

– Слушай, Ирис… Давай ты не будешь на меня так смотреть. Мне от твоего взгляда не по себе.

Кот раскрыл пасть и попытался мяукнуть. Но вместо этого лишь выдавил свистящий, булькающий хрип.

– Да что с тобой такое?

Я шагнул к Ирису, но он тут же развернулся и сбежал на улицу. Я успел заметить плешивое пятно на его загривке – будто оттуда выдрали кусок шерсти вместе с мясом.

Зазвонил телефон. От заигравшей в тишине мелодии сердце чуть не выскочило из груди.

– Твою мать… – выругался я, доставая мобильник из кармана джинсов.

Звонил Макс.

– Алло.

В трубке раздался шум. Будто там, на другом конце, в микрофон задувал ветер. Или кто-то громко дышал. Сквозь хрипы я наконец различил голос друга:

– …пропущенный от тебя. Ты что-то…

Динамик вновь затрещал.

– Алло?! – повторил я. – Не слышу ни хера. Ты едешь что ли?

Макс что-то сказал, но я не разобрал ни слова. Его речь была далекой, прерывистой. Словно голос записали на размагниченную аудиокассету. Затем шум вдруг исчез.

– Алло, Андрюх? Слышишь?

– Да, теперь нормально.

– Я в дороге. Ветер шумит. Как добрались?

– Без происшествий. Таксист только душный попался. Всю дорогу заёбывал разговорами. А так всё ровно.

– Ключи быстро нашёл?

– Да, никаких проблем. Слушай, Макс. Я что узнать хотел…

Свободной рукой я достал из кармана пачку сигарет. Вытянул одну зубами. Затем чиркнул пару раз зажигалкой и, усевшись на край пыльной кровати, закурил.

– Ты в Рощу давно приезжал? – спросил я.

– Давненько. В июле примерно. А что?

– Скажи мне, куда Колебин делся? Что с ним случилось?

В трубке вновь зашумело, будто от чужого дыхания.

Затем Макс ответил:

– Так помер же.

В груди качнулся маятник. Тяжесть прокатилась от сердца к животу, а затем поднялась вверх, застыв комом в горле.

– Что?

– Помер, говорю. Ещё в прошлом году.

– В смысле помер?

Мне показалось, будто Макс сейчас засмеётся. Признается, что это глупая шутка. Но голос его не изменился, и всё с той же будничной интонацией друг произнёс:

– Он в тайгу ушёл со своим корешем по осени год назад.

Короче, оба с концами. Видимо, замерзли по синьке, либо медведь.

– С каким корешем?

– Да жил у него собутыльник. Вроде тоже из археологов. Я сам не видел, мне Юра, участковый наш, рассказал, когда объяснения брал.

Я всё ещё надеялся, что меня разыгрывают. Пытался поймать Макса на лжи:

– А почему ты раньше не говорил?

– Да хер знает, – спокойно ответил друг. – Речь не заходила, я и не вспоминал. А что случилось-то?

Я потушил сигарету. Медленно обвёл пустой дом взглядом. Покрытый пылью сундук у стены. Грязные лоскутные половики, сбитые в кучу. Деревянная бочка, окутанная паутиной…

«Макс не врёт. Да и зачем ему врать? Но, чёрт, я ведь видел старика собственными глазами! Там в лесу».

– Алло-о-о! Андрюха?

– Да, я здесь.

– Что случилось, говорю?

– Да ничего… Просто заметил, что дом заброшен, решил узнать.

В телефонной трубке вновь захрипело. На этот раз так громко и отчётливо, будто это Макс подавился и теперь пытался откашляться.

– Что у тебя шумит? – спросил я.

В ответ лишь треск.

– Алло? Макс?

Чьё-то дыхание… Медленное, тяжелое.

И вновь голос друга:

– Алло! Слышишь? Я в гору поднимался, связь – дерьмо.

– Куда едешь?

– Да по работе в Иркутск. Ты утром позвонил, и меня сразу дёрнули. Задолбали эти разъезды.

– Слушай, а тело нашли?

– Что?

– Труп, говорю, нашли Колебина?

– А… Ну да. Вроде пацаны рощинские летом наткнулись. На солонцах за третьей заводью лежал. Объеденный. Под старым кедром. Ну это мне рассказывали с чужих слов. Сам не в курсе.

– И что в итоге? – спросил я. – Менты оформили?

– Да хер знает. Честно говоря, не вникал.

– Ясно. А со вторым, который кореш, что?

– Бляха, Андрюх, да не в курсе я. Не в курсе! Чё опять следака включил? Если надо – сходи, узнай сам по старой дружбе ментовской. Юра тебя помнит, всё расскажет, че спросишь. А будет ломаться – ты ему косарь в китель сунь, так он тебя за ручку отведёт на солонцы, место покажет.

– Делать мне не хер – на солонцы ходить.

– Ну а я тебе в этом деле не помогу. Чего тебе этот Колебин, вообще, сдался?

– Ничего. Говорю же, просто интересно.

Я знал, что Макс с полуслова различит враньё. Но привычки лезть в чужие дела у друга не было, поэтому Макс быстро сменил тему:

– Как там Лида? Кайфует на природе?

– Нормально, – вновь солгал я, и голос мой почти не дрогнул. – Отдыхает. Спит с дороги.

– Ты в баню заглядывал? Я там марафет летом навёл, можете оценить. Веники в сарае на верёвочке.

– Загляну. Спасибо.

– Там аккуратнее только в сарае. В погреб не наебнись. Он открытый стоит, чтоб не засырел. Ещё и земля вечно обваливается, спасибо Лёпке, бляха-муха.

– Лёпке? Дурачку?

– Ага. Которому ты раньше раскраски возил. Я его два года назад подрядил погреб копать. Ей богу, лучше б сам сделал. Понарыл там ходов, как суслик. Хер пойми, как сарай ещё стоит.

– Всё экономишь, старый жид. Скупой платит дважды, слышал такое?

– Слышал-слышал… Не морализируй только.

Мы какое-то время молчали. Затем друг не выдержал:

– Ладно, давай уже, колись.

– Не понял.

– Всё ты понял. Не изображай целку. Что у тебя стряслось?

Мне вдруг безумно захотелось ему всё рассказать. Признаться как на духу: «У меня умирает жена. И я не знаю, что делать. Мне страшно, Макс. Дико страшно. Мне мерещатся мёртвые люди, и кажется, что от зеркал несёт болотной тиной. Что мне делать? Скажи, что мне делать, Макс…»

Желание разболтать тайну было таким сильным, что я уже открыл было рот, но в последний момент передумал и отнёс телефон от уха. Накрыл мобильник ладонью. Закрыл глаза и глубоко вздохнул.

«Не поможет… Не взваливай на других. Не поможет».

Поднёс телефон обратно и в очередной раз соврал:

– Всё нормально. Правда, Макс. Тебе показалось.

– Ясно, – сказал друг после непродолжительного молчания. – Ну, если что, ты звони. Я на связи.

– Спасибо. Ещё наберу. Бывай.

– Давай, до скорого.

В телефоне раздались короткие гудки. Прежде, чем они оборвались, мне вновь почудилось, будто я слышу чьё-то дыхание, доносящееся из трубки.

***

Оставаться в заброшенном доме я больше не мог.

Даже не потому, что внутри было жутко и мерещилось, будто старик выглядывает из-за печи. Просто я вдруг почувствовал, что, чем дольше нахожусь в доме, тем сильнее проваливаюсь в темноту. Теряю сознание. Дышать стало невмо-

готу – сырой могильный запах давил, будто земля, наваленная на крышку гроба. Ноги не держали. Мутило.

Я вышел на крыльцо, и свежий осенний ветер в момент сбросил наваждение. Тут же прояснились мысли. В руки вернулась сила. Мне показалось, что я вылез из липкой, тягучей грязи – из гадости, которую от остального мира отделяли лишь хлипкие двери сеней.

«Вот и в голове у тебя такой же бардак, как в этой избе. Потому и чудятся покойники среди бела дня. А ведь ты, Андрей, даже лица его как следует не разглядел – старика этого. С твоим зрением любой бич за Колебина сойти мог…»

«Померещилось – успокоил я себя. – Спутал без очков».

Вот только чутье не давало покоя.

«Ладно, хорошо. Чёрт с ним, с лицом. Под бородой можно и не различить. Но сутулость-то! Только Колебин так спину горбатил. Сразу видно – всю жизнь землю лопатой грыз. И там в лесу… похож ведь, зараза. Похож как две капли».

В груди засвербело от волнения. Захотелось курить.

Присев на крыльцо, я достал сигареты. «Кончаются» – задумчиво посмотрел на почти опустевшую пачку. А ведь ещё и трёх часов не было. Слишком много скурил за сегодня. Слишком много нервов выжег за одно паршивое утро.

С первой затяжкой по телу разлилась приятная слабость. На душе стало спокойнее. Мысли о мёртвом старике вдруг показались мне глупыми и неуместными.

«Не о том тебе нужно волноваться, Андрей. Совсем не о

том».

А может, и вовсе волноваться не стоит? Может, права Лида, и нужно просто отпустить ситуацию и прожить три дня так, чтоб каждая минута осталась в памяти?

«Как давно ты, вообще, отдыхал? Когда в последний раз просто сидел на крыльце – курил и ни о чём не думал? Наверное, после смерти Алисы такого и не было вовсе. Вечно в тревогах. Вечно в делах. Суетился, как кролик в клетке, лишь бы себя не видеть да в прошлое не проваливаться. А ты попробуй, Андрей. Попробуй в это зеркало заглянуть. Может, рассмотришь чего интересного и даже снова музыку писать начнёшь?»

Я зажмурился от табачного дыма. Запрокинул голову к небу… Тихо. Так непривычно тихо после вечно гудящего Красноярска.

Над головой жужжала муха. В березняке щебетали птицы. Солнце припекало кожу, будто летом. Воздух был пропитан сыростью и сентябрём, но мне отчего-то казалось, что в Рощу снова пришла пора цветения. Пахло травами. Пахло лесом. Пахло светом, тишиной и жизнью.

Впервые за день я чувствовал себя спокойно.

«Всё будет хорошо, – решил я за весь мир. – Если смерть и вправду с человеческим лицом, значит, не всё потеряно. Можно и потанцевать ещё. Повоевать… Ведь тяжело что? Тяжело бороться с абстрактностью. С пустотой. С концом жизни. А если смерть реальна, если это сущность, божество

или кто-то ещё, имеющий телесное воплощение, значит она, как и все, может проиграть. А я уж постараюсь, не схалтурю. Сыграю с тобой партийку, костлявая».

Чувство собственной всесильности наполнило меня и взбодрило. Я сам не понимал, откуда приходит свет. Будто крохотная, незаметная до сегодняшнего дня искра, тлевшая тридцать пять лет, вдруг разгорелась, вспыхнула и взвилась в воздух. Душа, очищенная болью от бытовой грязи, расцвела пламенем, и теперь мне казалось, что я могу абсолютно всё. Захочу – колдовать буду. Захочу – летать буду. А сильно захочу – и смерть достану, зеркало наизнанку вывернув.

«Ты веришь, Андрюша. Только веру свою прячешь, будто стыдишься. А в вере ничего постыдного нет» – говорила мне давным-давно Варвара, жена Колебина, здесь же, сидя на этом крыльце. Мудрая была баба, хоть и прикидывалась обычно дурочкой. Наверное, не хотела мудростью мужа смущать. Или, возможно, ей самой так было проще – делать вид, что она много не знает и не видит. Ведь даже в старости Валера умудрялся ходить налево. Откуда только силы брались? А его жена, будто смирившись, закрывала на это глаза, и порой мне даже казалось, что Варваре это льстило.

Я посмотрел в сторону покосившейся летней беседки, выглядывающей из-за крапивы. Вспомнил, как приходя в гости к Колебину, мы с Максом сидели в этой беседке, ожидая пока старик спустится к нам из дома с бутылочкой самогона. Варвара кормила нас домашними пирогами с картошкой.

«Ешьте, мальчики, – говорила она, улыбаясь. – Вы молодые, без жен. Если не я, кто ж вас ещё накормит?»

Веселые были времена. Студенческие. Двухэтажного дома, в котором мы гостили теперь с Лидой, тогда и в помине не было. На его месте стояла старенькая избушка, доставшаяся Максу в наследство от отца. Мы приезжали в неё с Максом каждое лето. Пили, как черти. Дрались с местной шпаной. Бегали за девчонками – деревенскими и городскими, которые останавливались в Роще на пару-другую недель. Одной из таких приезжих и была Лида.

«Смотри, какая! – говорил в тот день захмелевший Макс. – Вон у магазина с Ленкой стоит. Знаешь, кто она?»

«В первый раз вижу».

«Горячая… Спорим, за вечер уломаю?»

«Хера с два тебе обломится».

«Забьёмся на анисовку?»

«И где мы тут её найдём?»

«Алек на перекачке новый магазинчик сделал. Для приезжих. Там есть».

«Всё равно ж вместе разопьём».

«Это да. Но покупать будешь ты. Потому что я уломаю. Так что? Спорим?»

«Готовь кошелек».

«Ага, щас. Завтра расскажу, какая она на вкус».

«Анисовка?»

«Нет».

Я поморщился, а Макс уверенной расхлябанной походкой отправился на подвиги. Подойдя к магазину, он перекинулся парой слов с Леночкой – местной знаменитостью, которая к девятнадцати годам переспала без малого с половиной деревни, включая нас с Максом. Наверное, по этой причине друг и не сомневался в успехе. Если новенькая гуляет с Леночкой, думал он, то и интересы у них, наверняка, общие. Пригласи вечером на шашлычок, налей сто грамм, а там и дело скользнёт, куда нужно.

«Сука, – ругался Макс минуту спустя. – Ей палец в рот не клади».

«Ловко она тебя. Как будто перед зеркалом репетировала».

«Ничего-ничего… До вечера у Ленки узнаю, кто такая. Я от спора не отказываюсь».

«Успехов, казанова».

Надо отдать Максу должное. Он всё же сумел пригласить Лиду в тот вечер. Выяснив, что она приехала в Рощу из мединститута на практику, он словно бы невзначай зашел в районную больницу к знакомым медсестрам. Слово за слово, Макс приболтал девушек отправиться после работы на Васино – так назывался пляж на местной речке. Макс предложил пожарить там мясо, искупаться, сбросить усталость после знойного, душного дня. Друг рассчитывал, что новенькая решит не отбиваться от коллектива, и расчет оказался верным. Лида пришла. А ближе к ночи, когда все были уже

захмелевшие, посиделки переместились с берега реки к нам во двор. Макс как мог обхаживал Лиду – делал комплименты, шутил, был обаяшкой. Будь я женщиной, наверное, сам бы ему дал – чёрту харизматичному.

Только вот на Лиду его магия не действовала. Она улыбалась, острила в ответ, но одного её взгляда – лукавого, прищуренного – было достаточно, чтобы понять: «Тебе не перепадёт, мой хороший. Ты славный малый. Но нет».

Спиртное словно и не брало её, хотя выпивала Лида наравне со всеми. Та же Леночка к полуночи уже не отличала ноги Максима от скамейки, и всё время норовила усесться другу на колени, елозя задом и будто ненароком задирая платье.

В итоге Макс смирился с поражением. Взяв Леночку за руку, он увёл её краснеющую и паскудно хихикающую в темноту дома, где уже храпели остальные медсестры, а мы с Лидой остались вдвоём в опустевшем дворе.

«Не стыдно тебе?» – с улыбкой спросила Лида, поймав мой взгляд.

Молодая, знойная – она стояла в нежно-голубом платьишке у мангала, в котором трещали берёзовые поленья, и искры пламени танцевали в её блестевших глазах.

«Почему мне должно быть стыдно?» – спросил я, глядя на неё чуть плутовато и щурясь от табачного дыма.

Лида отвела взгляд, усмехнулась. Затем прикусила губу и, снисходительно покачав головой, впервые посмотрела на

меня тем самым колдовским тёмным взглядом. В тот момент я почувствовал, будто меня раздели догола и вывернули душой наружу. Будто вытряхнули на свет все грехи, все грязные мыслишки и воспоминания.

«Значит, бутылка анисовой?» – спросила Лида.

Я опустил глаза. Захотелось провалиться сквозь землю. Макс – трепло. Проболтался по пьяни кому-то из медсестричек.

«Не напрягайся, – усмехнулась Лида. – Если бы я обижалась, меня бы здесь уже не было. Проводишь до дома?»

«Конечно. Только возьми мою куртку. Прохладно на улице».

Мы пошли по уснувшей деревне сквозь звёздную летнюю ночь. И лишь потом, много лет спустя, я понял, почему та прогулка показалась мне настолько странной, волшебной, тихой. Вместе с Лидой мы проходили мимо чужих дворов, и ни одна собака не залаяла, не зарычала нам вслед. Дворняги просыпались, провожали взглядами и лениво зевали, будто учуяв, что мы не причиним им зла.

Лида рассказывала об учебе в медакадемии. О том, что провалила экзамен по гистологии, что декан невзлюбил её с первого дня за смелость и вольнодумие. Я слушал её вполуха, что-то отвечал невпопад, а сам любовался тем, как она двигается. Лида будто плыла над землёй. Такого лёгкого воздушного шага я не видел больше ни у одного человека.

Заметив, как я на неё смотрю, Лида остановилась, загля-

нула мне в глаза и сказала:

«Знаешь, Андрей. У тебя взгляд кошачий».

«Какой?»

«Кошачий».

«И что это значит?» – спросил я, улыбнувшись.

«Ты цепляешь каждое движение. Словно охотишься. Видишь больше, чем понимаешь, а всё увиденное остаётся отражением на радужках. Поэтому и в глазах всегда усмешка».

Я не понял, о чем она говорит, но уточнять не стал. Вместо этого лишь подмигнул ей. И неторопливо пошёл вперёд. Так, будто мне было всё равно, пойдёт ли она следом. Не зрением, но скорее интуицией, я увидел, как Лида покачала головой и довольно улыбнулась мне в спину.

«Не так быстро, кот. Хочешь бросить женщину одну в заколдованной Роще?»

«Заколдованная Роща… Звучит слишком волшебно для нашей пьяной деревушки».

Лида пожала плечами.

«Родные места полны волшебства».

«Родные?»

«Для вас с Максимом. Вы же здесь выросли. Или это не так?»

«Так, – кивнул я, затем задумался на секунду и усмехнулся: – забавно…»

«Что именно?»

«Мы с Максом все детство мечтали перебраться в город.

Считали дни до окончания школы, проклинали эту Рощу, а теперь приезжаем сюда каждое лето, черт его знает зачем. Наверное, воспоминания держат».

«Воспоминания? Или семья?»

Я невольно опустил глаза. Лида, заметив это, спросила:

«Неприятная тема?»

«Скорее, болезненная».

Лида промолчала в ответ. Мы прошли в тишине несколько метров, а затем я сказал:

«Мой отец до сих пор живет здесь, только мы редко видимся. У нас с ним непростые отношения. Если мягко сказать».

«А мама?»

«Она ушла из семьи, когда мне было пять. Честно признаться, я и лица-то её не помню. Только смутный образ. У неё были вьющиеся черные волосы. Прямо как у тебя».

Лида попыталась сдержать улыбку, но уголки её губ все равно дрогнули. Я понял, о чем она подумала. Эта мысль понравилась и мне.

«Ещё помню её белый сарафан. Серебряные серьги с рубинами. И браслет на руке – тонкий, с листиками, будто березовую веточку в кольцо закрутили. Больше – ничего. Ни голоса, ни лица. Впрочем, нет. Вру… Ещё помню запах. Лесной, свежий… Что-то хвойное и мятное одновременно».

«Как её звали?»

«Мария».

«Надо же… Как и мою».

«Ты хорошо общаешься с мамой?»

«Она умерла, когда мне было шестнадцать, – ответила Лида. – За пару дней до Пасхи».

«Черт… Прости».

«Не за что прощать, кот. Это я подняла тему родителей».

Она вновь меня так назвала – «Кот». Я шел и пытался понять, почему это так приятно. Чувствовал, будто новое подаренное Лидой имя привязывает меня к ней невидимой ниточкой и наполняет силой.

Улица тем временем пошла вверх. Поднявшись на пригорок, мы с Лидой увидели темные изгибы тайги на холмах, окутанных рваными полосами тумана, словно плетенкой из облаков. Лида задержала взгляд на горизонте, а затем, улыбнувшись, сказала:

«А ещё Максим говорил, что в местном лесу живёт змей».

Я усмехнулся.

«Он и тебе эту байку стравил? Про змеиный камень и царя тайги?»

«Да. Меня зацепило. Это деревенская легенда?»

«Скорее псевдофольклор. Такими историями Макс пугает всех местных девушек, которых хочет затащить в постель. Он считает, что придумал безотказную схему съёма – нагнать жути, успокоить, а затем залезть под юбку».

«Как видишь, не такую уж и безотказную».

«Просто ты умнее, чем местные девушки».

Краем глаза я заметил, как Лида на мгновение прикусила губу.

Наши ладони несколько раз, будто случайно, коснулись друг друга. Решив, что пора, я досчитал до семи, набрался смелости, и на очередном перекрестке шагнул чуть вправо, придвинувшись ближе. Ладонь Лиды сама скользнула мне в руку.

Мы не замедлили шага и не отвели глаз от дороги – только несколько раз сжали и разжали пальцы, словно приветствуя друг друга. Кожа Лиды была горячей и мягкой. Дотронувшись, я почувствовал, как тепло поднимается по моему запястью, по плечам, по шее – пьянит голову, а затем, льётся вниз, стекая куда-то в живот.

«Ты необычная» – сказал я тихо, и голос прозвучал хрипловато из-за пересохшего горла. Лида сжала руку сильнее. Словно в знак одобрения.

«Ты тоже, кот».

И в тот момент мне показалось, будто это уже было однажды – давным-давно – в детском сне или в позабытой жизни. Будто мы знали друг друга, любили, жили под одной крышей, затем потеряли, а теперь снова нашли. Я знал: вот сейчас мы дойдём до того тёмного поворота, и Лида заговорит о своей бабушке. О бабушке, которая рассказывала ей сказки и пекла блины по утрам. О бабушке, которая уходила в лес ночами…

«Знаешь, в детстве бабушка рассказывала мне похожую

легенду».

Сердце в груди дрогнуло. Это ведь не сон? Я словно видел мысли Лиды прежде, чем они превращались в слова.

«Бабушка говорила, что в тайге живёт полоз. Что он спит под землёй. И выползает каждое лето из белого камня спрятанного в лесу. Бабушка говорила, что полоз ищет себе невесту – каждый год новую. И если не найдёт до первого снега, то зима будет долгой, а лето за ней засушливым».

Я помолчал пару мгновений. А затем спросил, сам не зная, для чего:

«Наверное, ещё и непременно девственницу? Как в сказках».

«Наверное, – кивнула Лида. – Может, поэтому с шестнадцати лет я хожу в лес спокойно».

Я улыбнулся ради приличия, но почувствовал, как кольнуло внутри. Странно, незнакомо… и совершенно беспочвенно. В конце концов, кто я такой, чтобы ревновать её к бывшим мужчинам? Случайный парень? Знакомый знакомого? Человек, который оценил ночь с ней в бутылку анисовой?

«Ревность – слабость, Андрей, – сказал себе мысленно. – Особенно ревность к прошлому. Не будь слабым. Только не с ней».

Чтобы погасить неприятное чувство, я начал говорить:

«Отец тоже любил рассказывать сказки. Точнее сказку. Одну и ту же: как он ловил дьявола в тайге».

Глаза Лиды заблестели.

«И как же?»

«Булавочкой».

«Чем?»

«Булавочкой. Это всё из тех же местных баек: хочешь поймать черта в лесу – приколи его тень иголкой. Да, кстати…».

Остановив Лиду, повернул её к себе осторожно. На мгновение наши лица оказались рядом, и я ощутил теплое дыхание на коже, почувствовал в воздухе электрическую дрожь. Мир замер в ожидании поцелуя, но я решил, что ещё слишком рано. Хотелось растянуть удовольствие. Поиграть с Лидой немного. Мне нравилось, как она послушно подалась вперед, стоило мне взяться за отворот надетой на неё куртки. Нравилось мелькнувшее детское замешательство, когда вместо того, чтобы притянуть Лиду к себе, я лишь распахнул полу и указал на внутренний карман.

«Вот этой».

Лида моргнула несколько раз.

«Что?»

«Вот этой булавочкой».

Лида опустила взгляд. Я провел пальцем по приколотой к ткани длинной серебряной игле с навершием в виде двуглавого орла, и пояснил:

«Ношу её как напоминание».

«А-а… Ты о ней».

Лида выглядела растерянной, понимая, что поддалась на

уловку. Впрочем, быстро скрыв смущение за лукавой улыбкой, она спросила как ни в чем не бывало:

«И в чем же секрет булавочки?»

«Отец говорил, что в серебре. И в молитве, с которой достаешь иглу. Впрочем, он у меня суеверный. Как и все, кто слишком долго живёт в этой деревне… Здесь все суеверные. И сухие. Будто Роща вытягивает из них чувства. Лишает возможности видеть красоту».

«Из тебя тоже вытянула?»

Я усмехнулся, сообразив, к чему этот вопрос.

«Пожалуй, что нет. Вовремя уехал».

«Уверен?»

«Теперь уверен».

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, а затем я отпустил куртку и отступил на шаг. Лида покачала головой и медленно опустила ресницы. Сделав вид, что ничего не произошло, мы пошли дальше по ночной улице.

Через пару мгновений Лида вдруг произнесла:

«И все же, каким бы ни был сухим твой отец, он отдал тебя в музыкальную школу».

«Что?»

«Ты играешь на клавишных. И, пожалуйста, не убеждай меня, что это не так. Всё равно не поверю. Пальцы тебя выдают».

«Боже, – искренне восхитился я. – Да ты ещё и наблюдательная. Может, лучше в следователи, чем во врачи?»

«Чтобы забрать твой хлеб?»

Я удивленно посмотрел на Лиду и по насмешливому взгляду понял, что она сказала это отнюдь не случайно.

«А здесь как догадалась? Тоже пальцы выдали?»

«Нет, не пальцы. Твои друзья».

Пришлось вздохнуть и смириться. Макс не оставил даже малейшего шанса сохранить ореол загадочности. Впрочем, сегодня она была и не нужна. Этим вечером хотелось быть открытым, легким, ласковым…

Лида на секунду сжала мою ладонь, и я сжал в ответ. Мы переглянулись. Улыбнулись чему-то, что одновременно пронеслось в наших мыслях.

Больше всего мне хотелось, чтобы наша прогулка никогда не заканчивалась. Чтобы мы шли так до самого леса, до реки, до песчаного пляжа. Устроившись где-нибудь на берегу, вместе бы встречали рассвет. Смотрели, как солнце поднимается над синими холмами тайги, в которой вьется тенями полоз – лесной бог, что крадёт невест и возвращается в подземное царство лишь с первым снегом. Я бы рассказывал Лиде жуткие сказки и тут же успокаивал шутками, а в какой-то момент, придвинулся бы ближе и словно между делом, обнял…

Но сердце в груди подсказывало: не сегодня. Всё будет, Андрей. Просто не сегодня.

«Пришли» – сказала Лида, развернувшись у деревянной калитки.

За её спиной в палисаднике цвели жёлтые бархатцы. Качалась и шелестела листвой черемуха. Лида стояла, чуть наклонив голову, и смотрела на меня, улыбалась лукаво – одними уголками губ.

«Значит, послезавтра уезжаешь?» – спросила она

«Взрослая жизнь зовёт».

«И куда тебя отправят?»

«Ещё не знаю. Скорее всего, на север. Следачить в городе у меня нет желания, а в здешних районах мест нет».

«Деревенский мальчик?»

«А ты городская девочка?»

«К сожалению».

«Почему к сожалению?».

«Город – не место для таких, как я».

«Каких таких?»

Лида вновь подмигнула мне. Затем задумалась на миг и поманила пальцем.

«Подойди, кое-что скажу…»

Я шагнул и в следующую секунду она поцеловала меня. Сделала это так ловко, что я растерялся на мгновение. А когда поднял руку, чтобы обнять и прижать к себе Лиду, она уже отшагнула назад и, прикусив губу, вновь посмотрела на меня с бесовским огоньком в глазах.

«Отыгралась, ведьма», – подумал я весело.

«Успехов, – сказала Лида, возвращая куртку. – Будет время, забегай. Только не сюда. Тётя у меня немного строгая,

так что лучше на работу».

«Во сколько заканчиваешь?»

«Ты же будущий следователь, – улыбнулась Лида. – Узнай всё сам».

«Хорошо. Приду завтра вечером. Обещаю».

«Буду ждать, кот».

Она ушла, а я остался около её калитки, и ещё полчаса переминался с ноги на ногу, чувствуя, как внутри что-то переворачивается и расцветает. Я надеялся, что Лида выглянет в окно, помашет мне на прощание. Выкурил, наверное, треть пачки, но шторки за рамами так и не шелохнулись. И лишь потом, после свадьбы, Лида призналась, что всё это время она стояла у окна. Смотрела сквозь задернутые шторы за тем, как я не нахожу себе места, и тихо смеялась над моими попытками разглядеть что-нибудь сквозь просвет занавесок.

А тогда я об этом не догадывался. Тогда я возвращался домой по пустой деревне с чувством, будто меня ударили обухом по голове. Ещё утром я был свободным бездомным романтиком, чьи вещи умещались в один чемодан. Был цельным, ничем не связанным, и, может, болеющим изредка вечерней тоской, но теперь после этой прогулки и поцелуя меня словно разбили на тысячу зеркальных осколков, которые искрили, кружили, кололи, и сладкая тоска вперемешку со счастьем захлёстывала волнами, и звёзды на небе плясали в пьяном хороводе, и трава под ногами была мягкой и сочной,

и воздух пропитан жизнью.

В ту ночь я засыпал на пуховой перине, слушая как на соседней постели храпят в стельку нарезавшиеся медсестрички. За стенкой надрывались пружины кровати, и сладко вздыхала под Максом Леночка. Мне было всё равно на этот скулёж и на все блудливые шорохи, ведь душа моя летала высоко под небом – чистая, легкая, разорванная пополам одним колдовским поцелуем. Я провалился в сон, и до рассвета мне снились тёмные вьющиеся волосы, лукавые глаза и желтые бархатцы, цветущие в палисаднике…

А на следующее утро позвонили из прокуратуры. Собеседование с генералом перенесли на день раньше, и пришлось бежать на автобус с тяжелой, похмельной головой. Я собрал вещи наспех, попрощался с Максом и ещё до обеда уехал из Рощи.

И когда вернулся неделю спустя, Лиды здесь уже не было.

***

Сигарета потухла. Я бросил окурок перед собой и затоптал ботинком.

«Засиделся, – мелькнула мысль. – Нужно идти за продуктами».

Продравшись сквозь заросли крапивы обратно за двор, я обернулся и ещё раз окинул колебинский пятистенок взглядом. «Странное всё-таки чувство. Смотришь на избу, и будто в землю проваливаешься».

Из леса налетел холодный ветер. Пробежала по телу дрожь. Вновь защекотала тревога. Прежде чем идти в посёлок, я решил, что нужно заглянуть домой – проверить всё ли хорошо с Лидой.

Она спала на диване – там же, где я её успокаивал. Лежала на боку, зажав подушку между коленями. Я осторожно сел рядом и поправил сбившийся плед. Затем погладил Лиду по голове – нежно, едва касаясь волос. Лишь бы не разбудить.

«Спи, родная, спи. Отдыхай. Я всё сделаю сам. На свете непременно есть способ победить смерть. И я найду его, обещаю».

Сердце кольнуло иглой. Совсем как тогда – под ветвями черемухи, у палисадника с желтыми бархатцами – в ночь, когда я пообещал Лиде, что приду за ней следующим вечером. Пообещал и не пришёл.

Чувство вины нахлынуло, словно нежданный ливень. Утопило душу, а затем так же быстро исчезло, оставив после себя лишь сырое чувство собственной никчемности. То самое паршивое ощущение, когда, попав под дождь, стоишь посреди улицы вымокший до нитки – жалкий и непохожий на человека.

«Возьми себя в руки, Андрей. Мечешься весь день, как подросток. На эмоциональных качелях солнышко крутишь».

Собрав остатки воли в кулак, поднялся с дивана и вышел на улицу. Но стоило шагнуть за двор, как я снова застыл у калитки. Застыл и понял, что боюсь оставлять Лиду одну.

Мне мерещилось, что вот сейчас я уйду, пусть ненадолго, буду ходить по посёлку и искать кролика на ужин, а когда вернусь, Лида уже умрёт.

Пришлось зайти обратно в дом. Убедиться, что жена действительно дышит.

Затем снова вышел. Снова вернулся.

– Чёрт, – выругался еле слышно, чувствуя себя псом, привязанным к дому невидимой цепью. Лесным чертиком, чью тень прикололи к земле иголочкой.

Не зная, как погасить беспокойство, я начал ходить по комнате туда-сюда. Взгляд упал на шкатулку, валявшуюся на полу кверху дном. Взяв её в руки, сел за обеденный стол и начал вертеть шкатулку из стороны в сторону, пытаясь разглядеть что-нибудь в лакированном дереве. В отражении мелькали размытые очертания комнаты. Лестница, камин, дверь. Диван, на котором спала Лида. На секунду показалось, будто рядом с диваном в ногах у жены я вижу белое пятно… Но наваждение тут же развеялось, и сколько бы я больше не всматривался в поверхность шкатулки, ничего необычного так и не увидел.

Зато, когда обернулся, вздрогнул. Чёрный кот сидел на карнизе окна. Неотрывно следил за мной через стекло желтыми колдовскими глазами.

– Твою мать, – тихо выругался я, переводя дух. – Ты меня так в могилу сведёшь. Хватит пугать.

Кот наклонил морду чуть набок. Затем перевёл взгляд на

Лиду. Или на кого-то рядом с Лидой.

– Видишь её? – спросил я шёпотом.

Ирис не ответил. Он спрыгнул на террасу, скрывшись из виду, а когда я открыл дверь и выглянул на улицу, кота уже и в помине не было. В голове шевельнулась безумная мысль: «А может, это ты в дверь и стучался?»

Чувствуя, что окончательно схожу с ума, я покачал головой. Накинув куртку, замкнул за собой дверь и отправился в посёлок. Подкуривая на ходу сигарету, решил, что нужно ещё раз позвонить Максу и узнать, где в Роще можно раздобыть кролика.

Номер друга оказался вне зоны действия. Уже почти убрав мобильник в карман, я вдруг задержал руку и задумался. Затем снова открыл телефонную книгу.

«Не стоит этого делать, – повторял я себе, пока палец прокручивал список контактов. – Ты обещал».

Палец замер на букве «В». На душе стало так тяжело, что я даже оглянулся, вообразив, будто Лида может следить из окна. Я вёл себя, словно неумелый начинающий воришка, стыдясь греха, что вот-вот случится – того самого груза, что давил с самой зари. Я знал: это просто звонок. Всё ради общего блага. Всё, чтобы вырвать Лиду из костлявых пальцев той, что стоит по другую сторону зеркала. Я знал это… Знал и не верил. Потому что маятник под сердцем качнулся, когда прозвучал первый гудок. Груз потянул на дно, когда в трубке затихло, зашуршало, а затем прошелестело нежным:

– Алло.

Забытое чувство… Сладкая гниль, будто вкус перезревшего яблока.

– Привет, Вик, – сказал я. – Есть минута?

В трубке застыла тишина, прерываемая лишь глубоким, хорошо различимым дыханием. Я слышал, как Вика успокаивается. Связь была чистой. Никаких помех, что шуршали в телефоне полчаса назад.

– Да, конечно. Ты по поводу или так?

Я догадывался, какой ответ она хочет услышать. Знал, почему Вика говорит таким неестественно низким тоном.

Стараясь об этом не думать, сразу перешёл к теме:

– По работе. Нужен твой совет как врача.

Молчание…

Разочарование.

Вика ответила обычным, лишенным приторного шарма голосом:

– Слушаю. Что случилось?

Я огляделся по сторонам и прикинул, куда бы усесться, чтобы не разговаривать на ходу. Заметил у одного из домов качели. Подошёл и с горем пополам влез на узкое детское сидение, после чего оттолкнулся ногами от земли. Качели скрипнули… Звук из детства.

– Мне тут дело подкинули, – соврал я, не задумавшись. – Скажи, от чего может внезапно умереть человек?

И снова стыдливо-ошарашенное молчание в трубке. На-

верное, не таких слов ждёт бывшая любовница спустя шесть месяцев с последнего разговора.

– Ты не подумай, – сказал я. – Никаких непотребных консультаций. Всё наоборот: у клиента умер родственник. А до этого вообще никаких симптомов. Следак и эксперты молчат. Решил у тебя уточнить: что это может быть?

– Как именно умер?

– Клиент не знает. Его минуту не было. Возвращается в комнату – там тело.

– Хм… ну вообще… – Вика как обычно растянула слово «вообще», превратив его в длинную звуковую макаронину, – если так сразу, то, скорее всего, сердце. Пароксизм фибрилляции предсердий или желудочков. Тромбоэмболия легочной артерии. Трансмуральный инфаркт. Всё это может привести к внезапной смерти.

Наверное, если б я позвонил ей в три часа ночи или наутро после Нового года, она всё равно ответила бы без запинки. Я не знал другого человека с такой же памятью. К слову, это была одна из причин, по которой Вику на дух не переносила Лида. Десять лет назад они учились в одной академии, на параллельных потоках, и если говорить честно, моей жене медицина давалась гораздо хуже. А если быть откровенным до конца, до уровня Викиных знаний Лиде было так же далеко, как если б она собралась лететь на Луну.

Правда, я не был твёрдо уверен, что Лида и впрямь не летает на Луну ночами.

– А скажи, вот к этим штукам, которые ты назвала, можно как-то проверить предрасположенность? Без обращения в больницу?

– Ну вообще… По клиническим определить вряд ли получится. Конечно, если это не хроническая недостаточность. Там да – могут быть и отдышка, и боли загрудинные. Но в целом – это внезапная катастрофа. Предугадать без ЭКГ очень сложно, – Вика замолчала на секунду, а затем спросила: – Ты курить так и не бросил?

Я оторопел на мгновение. Затем понял: «Она думает, я говорю про себя. Что ж, пусть думает. Так даже лучше».

– Не бросил.

– Зря.

– Знаю, что зря. Слушай, подскажи ещё вещь.

– Говори.

– Если случается вот такая ситуация… Что вообще делать?

– Скорую вызывать.

– Это понятно. А кроме?

– Дать аспирина таблетку. Нитроглицерин. И непрямой массаж сердца. Ты же бывший следак, вас этому не учили?

Голос Вики изменился и похолодел. Исчезли влажные, мурлыкающие нотки. Она злилась на меня. И не пыталась это скрывать. Пора заканчивать разговор.

– Учили, конечно. Просто забыл. Спасибо тебе за помощь. Надеюсь, не сильно отвлёк?

– Не сильно… – Вика замолчала. Я чувствовал, что на языке у неё крутятся жгучие невысказанные слова. – Была рада тебя услышать.

– Я тоже, Вик. Удачи.

Сбросил вызов – словно тлеющий уголёк из ладони скинул.

Ещё минута, и Вика обязательно сказала бы то, о чём говорить не нужно. Она бы сделала это мягко, сглажено – без претензий и просьб, но из-за её скрытого упрёка, я бы до вечера ходил с чувством вины. А мне нельзя возвращаться домой с таким грузом. Лида прочитает всё с полуслова. С одного неловкого жеста.

Закурив очередную сигарету, я отметил последнюю запись в истории звонков и нажал «удалить».

***

На выходе из аптеки мне встретился Лёпа-дурачок.

Пряча таблетки в карман, я поднял взгляд и увидел его – низенького, несуразного, в рваной китайской олимпийке. Он шёл пружинистой, даже чуть подпрыгивающей походкой по засыпанной песком улице и улыбался от уха до уха. Эту искреннюю щербатую улыбку не портила даже заячья губа, из-за которой Лёпе в своё время доставалось от рощинской шпаны.

– Дядь Дюха! Привет! – махнул он рукой, растопырив пальцы над головой. – Ты приехал! А где Алиска?

– Привет, Лёп. Алиса в городе. Ей… в школу надо.

Я знал: он не поймёт правды. В мире Лёпы не было такого понятия, как смерть. Ему было около тридцати лет – этому чуть косоглазому, смешному мужичку, но умом Лёпа застрял в далёком детстве.

– Жалко… А ты мне, кстати, дядь Дюх, снился недавно. Ты мне вообще часто снишься. Ты и Алиска. Давненько не приезжал только, дядь Дюх. Хорошо, вот, теперь приехал. А раскраски привёз?

– Нет, Лёп, извини. Не взял.

– Эх, жаль… Есть цибарка?

Я протянул ему сигарету. Лёпа уселся на лавочку и, закурив, рассеянно посмотрел в мою сторону.

– А у меня лисапед украли.

– Что?

– Лисапед.

– А-а… велосипед. И кто украл?

– Ящерица украла.

– Кто?

– Ну ящерица. Из леса, – пояснил Лёпа. – У дядьки Валеры жила.

Я замер, недоуменно глянув на дурачка.

– У Колебина?

– Ага. Он её кормил, а она в лес его увела. И лисапед мой украла. Дядь Дюх, найди, а? Ты же милиционер. Я на этот лисапед всё лето копил. В магазине у Алека работал, ящики

таскал. Хороший был лисапед. Красивый. Красный.

В голове снова закружились мысли. Присев на крыльцо аптеки, я недоверчиво окинул взглядом Лёпу, пытаясь понять, как далеко зашла его болезнь. Можно ли воспринимать его слова всерьёз?

– Ты сам-то эту ящерицу видел?

– Конечно! – кивнул Лёпа так резко, что показалось, сейчас голова отвалится. – Видел! Только не глазами.

– Не понял.

– Она меня обманула. Сказала, что губу вылечит и с мамкой научит разговаривать, если я ей кошку принесу.

– Чего?

– Ну кошку. У дяди Валеры чёрная ходила. Видел?

– Видел.

– Ну вот. Я её правда поймать не смог, больно шустрая. Нашёл другую, тоже чёрную. В пакет завернул и ящерице принёс. А ящерица давай меня ругать, что это не та кошка. Хотя пакет даже не открывала. Значит, что получается? Значит, сразу обмануть хотела, чтобы не лечить. Она ж не знала, какая там кошка, правильно?

– Правильно, – согласился я, окончательно запутавшись в рассказе дурачка. – И как эта ящерица выглядела?

– Как-как? Как ящерица.

– Понятно, – кивнул я. – А с кошкой что?

– Да ничего. Оставил в пакете и за грибами пошел. А потом смотрю, лисапеда нет. Ящерица украла.

– И где это было?

Лёпа помахал ладонью над головой, показав во все стороны сразу.

– Здесь.

– Где здесь?

– Ну здесь. В Роще.

– А кошку ты куда приносил?

– Дядь Дюх, ты дурачок что ли? Говорю же, Валере приносил.

– Ага… Понятно. А когда?

– Недавно.

Чувствуя, как голова идёт кругом, я потянулся к карману, чтобы покурить, но пачка оказалась пустой. Последнюю сигарету докуривал Лёпа.

– Так ты поможешь?– спросил дурачок. – Дядь Дюх, найди лисапед, а? Жалко лисапед.

Он говорил сбивчиво и невнятно, будто с набитым ртом. Сидел на скамейке, закинув ногу на ногу, и держал сигарету большим и указательным пальцем. Причем не за фильтр, а посередине, и, втягивая дым, опускал огонёк вниз – так, словно пил сок через трубочку.

– Хорошо, – согласился я. – Будет время, поспрашиваю. Может, кто видел твою ящерицу.

Лёпа махнул рукой.

– Да не… Так не получится. Никто её не видел. Только дядя Валера и я. Она под землёй прячется.

– Ты же сказал, что у Колебина живёт.

Дурачок замотал головой.

– Раньше жила. А потом дядю Валеру в лес увела и под землю спряталась. И лисапед мой украла. Ей, наверное, звоночек понравился. Хороший был звоночек. Она любит, когда звенит.

– Подожди, Лёп. Что-то я не понимаю. Ты сказал, что ходил к Колебину недавно. Правильно?

– Ага.

– А Колебин когда в лес ушел?

– Давно, – ответил Лёпа. – Только не сам ушёл. Его ящерица увела. И под землю спряталась.

– Это я уже понял. Так что, получается, она потом сама в дом приходила?

– Кто?

– Ящерица твоя.

– А-а-а, – понимающе мотнул головой Лёпа. – Не. Она под землёй сидит.

– Блядь…

Я поднялся с крыльца и сделал пару шагов туда-обратно.

– Лёп… Ты меня запутал совсем. В итоге, эта ящерица сейчас где? Ты знаешь?

– Ну так под землёй же!

– А где именно? Сможешь показать?

Дурачок поднялся со скамейки и начал мотать головой из стороны в сторону, будто пытаясь кого-то высмотреть. За-

ячья губа дрожала от волнения, Лёпа мялся и переступал с ноги на ногу. Затем дурачок глянул на меня и сказал:

– Не слышу, дядь Дюх. Где-то спряталась. Это всё потому что кошка не спит. Как кот уснет – проснётся змейка. Костерок сделаешь – она сама и придёт.

«Понятно, – решил я. – Всё понятно… Идиот ты, Андрей. Устроил допрос блаженному. Времени ведь до хрена, правда? Подумаешь, дома жена умирает. Давай теперь будем велосипеды для дураков искать и по домам разваленным ходить. Это ведь именно то, что сейчас нужно».

Я пнул подвернувшийся под ногу камень. Затем с раздражением глянул на Лёпу. Он почесал грязную голову и продолжил тянуть сигарету, которая уже истлела до фильтра, потом что-то сказал себе под нос и сел обратно на скамейку. Прищурился от солнца. Улыбнулся.

От вида его щербатой улыбки с заячьей губой раздражение угасло, сменившись жалостью.

– Хорошая погодка, тепло… Правда, дядь Дюх?

– Правда, Лёп.

– Это потому что лягушки на болоте квакают. Когда лягушки перед змеиной Пасхой квакают – они солнышко зовут. Мне мамка рассказывала. Только она говорила, если лягушки сильно квакать будут – гроза ударит.

Я вздохнул и покачал головой. «Успокойся, Андрей. Не злись. В самом деле, что ты хочешь от дурачка? Ему и так непросто, а ещё ты со своими вопросами докопался. Отстань

от него. Иди уже за продуктами».

– Как мамка поживает? – спросил я напоследок из вежливости.

– Да никак. Её каракатица съела.

– Кто?

– Каракатица. Мамка летом в речке купалась, а каракатица к ней в шею залезла. Я видел, там шишка была большая на шее. Мамка сказала, это каракатица сидит. А недавно её забрали.

– Кого? Каракатицу?

– Да не. Мамку. Дядя Юрка сказал, что каракатица ей всю спину съела.

«Юрка? Участковый что ли?» В голове щёлкнуло, и я вдруг понял, о чём говорит Лёпа.

Шишка в плече… Лимфоузел. Рак.

– Подожди, так ты теперь один живёшь?

– Ага. Но дядя Юрка помогает. Он бумажки сделал, чтобы мне на почте деньги давали. И к Алеку в магазин устроил. Дядя Юрка хороший. Только лисапед найти не может. Говорит, я сам потерял. Ты поговори с ним, а? Скажи, что это ящерица украла. А то дядя Юрка мне не верит, смеётся.

– Хорошо, – кивнул я. – Будет время, забегу. Где он сидит?

– А где сельсовет. У него кабинетик там. Мне нравится, я часто прихожу. Дядя Юрка меня чаем угощает, а я ему рассказываю, кто чего в деревне делает.

Я отвёл взгляд и усмехнулся. «Молодец, Юра. Старая школа. Даже юродивого – и того в агентуру оформил».

– Ну хорошо, Лёп, договорились. Ты только скажи вот ещё что. В деревне кроликов кто-нибудь разводит?

Лёпа нахмурился и кивнул.

– Витя, – сказал он. – Но ты к нему не ходи. Он злой.

– Что за Витя? И почему злой?

– Рядом с магазином Алека живёт. Он меня летом палкой ударил. Я к нему на огород залез малины поесть, а он давай орать и бить меня. Жалко ему этой малины? И жена у него такая же. Врачиха. Ты не ходи к ним, дядь Дюх. Они больные совсем. Ненормальные.

Я невольно улыбнулся.

– Хорошо, Лёп. Подумаю. И спрошу у Юры про твой велосипед.

Дурачок махнул рукой и откинул голову на спинку скамейки. Зажмурившись, он принялся болтать себе под нос что-то несвязное и перебирать пальцами, словно растягивая невидимую резинку.

Оставив его наедине с собственными фантазиями, я сделал пару шагов по улице. А затем в голове родилась неожиданная догадка. Я остановился и обернулся.

– Лёп!

– А?

– Слушай, а та каракатица, про которую ты говорил… Это и есть ящерица?

Дурачок замотал головой.

– Не-е… Ты чего, дядь Дюх? Они рядом ходят, но ящерица под землёй живёт. Глубоко закопалась. А каракатица – она другая. Она в воде.

Помолчав немного, Лёпа глянул куда-то в небо, а затем сказал:

– Она рекой пахнет.

***

Прелое сено пахло гнилью и сыростью.

Кролики копошились в вольере. Грязные, вонючие – каждую секунду они кусали друг друга за лапы и издавали надрывные крики, похожие одновременно на лошадиное ржание и плач ребенка.

– Че-то злые они у тебя, – сказал я продавцу, сидевшему рядом на пеньке.

Одетый в перемазанный камуфляжный костюм мужик равнодушно курил дешевую сигарету. Руки и шея у него были черны от загара и пыли, под ногтями скопилась грязь. Сплюнув на землю, хозяин двора хрипло ответил:

– А тебе что, детей с ними крестить? Как зажаришь, так подобреют.

– Разумно, – согласился я и отошёл от вольера.

Мужик потушил бычок и, кивнув на кроликов, спросил:

– Выбрал? Которого берёшь?

Я пожал плечами.

– Да любого. Главное, чтоб не слишком тощий.

– Ты мне тут не надо, – выпятил грудь мужик. – Какой тощий? Они у меня все – атлеты.

Я ещё раз глянул за заборчик вольера. Костлявые, с облезшей шкурой кролики грызли друг друга, толкаясь посреди дерьма, перемешанного с соломой.

– Ну вон того давай, – махнул я рукой, показав на кроля с чёрным ухом.

– Которого? Этого? Не, не дам. Гитлер не продаётся.

– Чего?

– Не продаётся, говорю, чего-чего. Другого бери.

Я невольно усмехнулся. Потом спросил:

– А почему Гитлер?

– Злой, сука. Как чёрт.

Хозяин двора вновь плюнул на землю. Потом зашёлся нехорошим кашлем.

– Ви-и-итя! – донесся бабский крик из дома.

– Хули надо?! – заорал мужик в ответ.

– Кроля делай, херли расселся? Готовить пора!

– Помолчи на хер! – крикнул хозяин двора. – Люди пришли, а ты орёшь, как свиноматка! Ща принесу! Ты мне не надо!

Он выматерился себе под нос, затем закурил новую сигарету и, нехотя, встал с пенька.

– Выбирай, короче. Я пока делом займусь. А то родная меня с ума сведёт. Ежа ей в пизду.

Подойдя к вольеру, мужик на секунду задумался. Затем достал из кармана толстую перчатку и, надев её, схватил за уши Гитлера. Кролик закричал, как ребенок. Забрыкался ногами, царапая мужику запястье.

– Ах, сука! – выругался хозяин двора, выронив изо рта сигарету.

Свободной рукой он схватил кролика за задние лапы, согнув его дугой. Ушастый не сдавался – продолжал извиваться всем телом. Тогда мужик подошёл к противоположному концу забора, и, отпустив уши кролика, взял увесистую дубинку.

– Ну-ка смирно, сученыш! – выругался громко.

Ушастый замер на секунду, повиснув головой вниз. Мужик взмахнул палкой. Один раз. Второй. Дубинка скользнула вдоль шерстки, словно бы и не задев животное. Только два глухих удара – будто по полному водой ведру – подсказали: не промахнулся.

Кролик обмяк. Чёрное ухо безвольно опустилось вниз.

«Быстро, – подумал я. – Так быстро».

Мужик бросил дубинку на землю и подошел к чахлой берёзке, росшей во дворе. К её стволу была прибита поперечная балка с обмотанной вокруг бечевой. Я опустил глаза и заметил бурые пятна на траве у корней дерева.

Хозяин стянул зубами перчатку. Затем ловко подвязал тушку за задние лапы, чуть растянув их в стороны. Достал нож.

– Ты выбрал, нет?

– Что? – дёрнулся я, очнувшись. – А, да. Выбрал.

– Погоди тогда, – кивнул мужик. – Я сейчас быстро закончу, чтобы эта отстала, и тебе зверя забьём.

Он взял болтающегося кролика за уши, чуть подвернул ему голову и ткнул лезвием в шею. Быстро. Точно. На сухую траву полилась горячая, исходящая паром кровь. Бурая струя ударила из тушки с напором, слабея с каждой секундой.

«Хоть бы ведро подставил, – подумал я. – Вонять же будет».

Мужик заметил мой взгляд.

– Чего так смотришь?– ухмыльнулся. – Крови не видел?

– Видел.

– А чего тогда?

– Непривычно.

– Чего непривычно? Ты ж мент.

Я удивлено приподнял брови. Мужик отхаркнул на землю и объяснил:

– Помню я тебя. Ты ведь Лотова сын, да? Ты к нам еще приезжал, когда продавщицу зарезали.

В голове пронеслись картинки десятилетней давности – красные, густые… Окоченевшее тело в кладовой. Забрызганные стены. Перерезанное горло, в котором белел позвонок. Двенадцать лет прошло, а воспоминание яркое, словно вчера случилось.

– Это ведь ты Сивого поймал тогда? – спросил мужик.

Я кивнул.

– Он, кстати, вышел, – сказал хозяин двора, будто между делом. – Где-то года три-четыре назад. Вроде, тихий стал, говорят. А как по мне, всё равно сядет обратно рано или поздно. Что он, что братец его, Строганчик, – зверьё.

Ещё где-то с минуту мужик держал кроля, а потом отпустил. Последние капли упали на почерневшую траву. Вытерев нож о рукав, мужик начал разделывать животное, работая будто небрежно, но вместе с тем ловко, словно судмед-эксперт.

Я смотрел завороженно – переживал смесь наслаждения и брезгливости. Нож мелькал в руках мужика – раз, два… шкура с лапки отлетела вниз.

– Я ведь и жену твою знаю, Лидку. Она у моей практику проходила. Помню её молоденькую. Красивая девка. Халат наденет, волосы распустит – вся больница заглядывается. А ты, по-моему, в то время вечно с Морозовским сыном шатался. Как его зовут? Максим?

– Да. Максим.

Раз, два… вторая лапка туда же. Мужик подтянул шерстку, дёрнул пальцами что-то за хвостом кролика.

– Ты с ним и дом строил? На Березовой?

– С ним.

– Хороший дом вышел. Ладный. Соседям на зависть.

Раз, два… Лезвие скользнуло вниз. Кролик болтался на-

половину освежеванный.

– Кстати, насчет соседей, – сказал я. – Что с Валерой случилось, не в курсе?

– С Колебиным?

– Ага.

Мужик вытер вспотевший лоб запястьем. Глянул на окровавленный нож, и продолжил разделывать тушку.

– Да ёбнулся он. Сгинул. Прошлой осенью ушёл с другом своим в тайгу и не вернулся.

– Синька?

– Не, – покачал головой мужик. – Он не пил. Как узнал, что помрёт скоро, так бросил.

Я озадаченно глянул на хозяина двора.

– В смысле узнал?

– У него рак нашли.

– И давно?

– Года два назад. Как пришибленный ходил всё время. Потом ещё Варька его расшиблась, один остался. А позапрошлой осенью к нему этот хер жить заехал. Весь в чёрном, словно с тюрьмы сбежал.

– Тоже археолог?

– А хер знает. Может быть, и копали вместе раньше что. Я его краем глаза только видел. И то – со спины. Он у Валеркиного дома сидел, курил в одну харю и в лес куда-то смотрел.

На другом конце посёлка зазвенели колокола. Пять часов. В местной церкви начиналась вечерняя служба. Повернув

голову, я посмотрел поверх крыши избы, но храма отсюда не было видно, хоть и стоял он высоко – на холме у изгиба реки. Перекрестившись трижды, я опустил взгляд и глянул на хозяина двора. Тот словно и не услышал звона колоколов. Видимо, заработался. Или привык.

– Я вот как думаю, – сказал он. – Этот хер Валеру в могилу и свёл. Он его вылечить обещал. Вот, видать – долечил.

– Вылечить? От рака?

– Ага. Шарлатан, сука. У Валеры пил, жрал, а чтоб не выгнали, по ушам ездил, мол, знает, как смерть обмануть. А наш Валера – собачья душа. Ему пиздят, а он и верить рад.

Маятник под сердцем качнулся… Замер.

– А что именно говорил? Про смерть.

– Хех… Ты думаешь, я помню? Я с Валериных слов знаю только. Вроде травы искал какие-то. В лес вечно мотался. Как ни зайду, ни спрошу: «где этот»? Валера, мол, в роще. Вот и думай, че он в этой роще забыл?

Словно обертку с конфеты, мужик стянул шкуру с тушки. Отрезал кролику уши, сделал ещё пару движений. На веревках болталось худое, похожее на кошку-сфинкса, существо.

– Имя-то было у друга?

Хозяин двора задумался. Почесал нос основанием ладони, стараясь не перепачкаться кровью.

– Слушай, не помню. Вроде как-то звали… Только из головы вылетело.

– Ясно. А с телами что? Похоронили или как?

– Или как. Где их найдешь теперь в тайге.

– Говорят, что нашли.

– Кто говорит?

– Участковый, – соврал я.

– Да быть не может, – отмахнулся хозяин двора. – Ты, видать, чет путаешь. Если б нашли, я бы знал. Я с Юркой часто вижусь…

Мужик осекся. Скривил губы всего на мгновение, но я успел заметить это и усмехнулся. «Да здесь, похоже, вся деревня стучит. Хорошо работаешь, Юра. Матереешь».

Тем временем хозяин двора вскрыл кролю живот. Вытащил внутренности и бросил их в вольер. Другие кролики завизжали, подскочили к кишкам и с жадностью сожрали всё.

– Надо же, – удивился я. – Думал они больше по сену. Или по морковке.

– Им похер, – махнул мужик окровавленной рукой. – Звери.

Он снял освежеванную тушу с петель и занёс её в сени. Из дома вышла женщина лет пятидесяти с острыми, неприятными чертами лица. Она напомнила мне вахтершу, работавшую в подъезде девятиэтажки, в которой мы с Лидой жили в первые годы после свадьбы. Женщина коротко глянула на меня, что-то проворчала мужу, а затем забрала кролика и скрылась за белой шторкой в дверном проеме.

Мужик спустился с крыльца. Махнул ножом в сторону вольера.

– Ну что? Которого берёшь?

Я обернулся. Посмотрел за заборчик. В этот момент за спиной вновь зазвенели колокола. Громче и быстрее.

– Давай того, – показал я пальцем на белого зверька с чёрными глазами-бусинками.

– Семьсот, – назвал цену мужик.

– Пойдёт.

– Тебе свежевать?

Я промолчал.

Не дожидаясь моего ответа, мужик вновь нацепил перчатку. Схватил пушистого за уши, вытянул из вольера и пошёл к берёзе. Потом перехватил животное за задние лапы.

В отличие от предыдущего, этот кролик даже не дергался. Покорно висел в воздухе головой вниз и ждал своей участи.

Хозяин двора замахнулся дубинкой…

Далеко на холме с перезвоном били колокола.

***

Лида ткнула вилкой золотистый кусочек мяса. Макнула его в соус.

– Вкусно, – сказала она, чуть зажмурившись. – Чёрт. Это очень вкусно. Как же мне с тобой повезло, кот.

Я улыбнулся и приподнял бокал вина.

– Ешь, родная. Твоё здоровье.

Мясо получилось нежным и сочным, с хрустящей корочкой. На гарнир я отварил картофель и порезал его крупными

дольками, посыпав зеленью. Вино купил какое было. Местный продуктовый выбором не баловал.

– Это немного сентиментально, – сказала Лида, кивнув в сторону дальнего угла гостиной. – Совсем на тебя не похоже.

Я пожал плечами. Затем проглотил таявший на языке кусок филе и ответил:

– Мне захотелось его спасти.

Лида медленно опустила ресницы в знак одобрения. Затем снова посмотрела в угол, где стояла картонная коробка, и невольно улыбнулась.

– Как его назовём?

– Черчилль.

– Почему Черчилль?

– Понятия не имею. Но его сородича звали Гитлер. Пусть этот будет Черчилль.

– Тогда Уинстон Черчилль, – уточнила Лида. – Солиднее звучит.

– Надеюсь, он не развяжет холодную войну.

– Главное, чтобы не выхлестал всё спиртное в холодильнике.

Я посмотрел на белоснежного кролика. Тот копошился на соломенной подстилке. Забившись в угол коробки, Уинстон Черчилль догрызал морковку.

– Твоё здоровье, премьер-министр, – поднял я бокал в честь спасенного зверя.

Лида засмеялась, а затем вернулась к еде.

– Господи, кот. Ты великолепен, – сказала она, прожевав очередной кусок куриного филе. – Вкуснее в жизни ничего не пробовала. Не понимаю, как у тебя получается.

– Наловчился, пока жил с одной ведьмой.

– Она так хорошо готовила?

– Отвратительно. Пришлось учиться самому.

Лида потянулась к ветке винограда. Оторвав одну виноградинку, кинула в меня.

– А что-нибудь ещё та ведьма делала плохо?

– М-м-м… Дай-ка подумать. Пожалуй, да. Делала.

– И что же?

– Плохо делала вид, будто ей нравится вино.

Лида засмеялась. Затем кивнула и сказала:

– Я боялась, мне придётся пить эту жижу весь вечер.

– Доставай анисовую. Она остыла.

Лида встала из-за стола. Забрала бокалы, вылила вино в раковину и тут же их ополоснула. Затем тщательно вытерла. Убрала на полку. Я улыбнулся, пока Лида не видела.

Это было так привычно, но именно сейчас её маниакальная тяга к чистоте казалась мне особенно милой. Каждое движение Лиды, каждый её полувзгляд – всё было таким родным. Вот она открывает холодильник и чуть наклоняет голову, рассматривая продукты на полках. Задумавшись, теребит пальцами мочку уха. Прикасается к новым серёжкам.

– Ты не взял сыр?

– То, что лежало в магазине, – это не сыр, а просто засох-

шее молоко.

– Жаль… Ну ладно.

Вытащив прозрачную бутылку, Лида захлопнула холодильник. Затем разлила водку по рюмкам.

– Мне чуть-чуть, – сказал я.

– С чего это вдруг?

– Ты знаешь.

Лида усмехнулась. Налила до края.

– Не переживай, кот. Я тебя проконтролирую.

– Ты очень рискуешь.

– Просто пей, не торопясь. У нас вся ночь впереди.

– Отоспалась за день?

– Да… – жена смутилась. – Извини. Я просто что-то выключилась. Сама не поняла, как это произошло. Если хочешь, мы можем завтра встать пораньше…

– Лида.

– Да?

– Всё хорошо.

Лида улыбнулась. Кивнула.

– Спасибо, – сказала она и пододвинула мне рюмку. – Держи.

– За наши двенадцать лет.

– С годовщиной, кот.

Стекло звякнуло в тишине. Анисовая отдавала на пряностями, и спирт почти не чувствовался. Стало теплее.

– Знаешь, о чём подумал?

– О чём?

– Твоя ворожба похожа на алкоголь. Такое же ощущение. Словно что-то горячее течёт внутри – сверху вниз.

Лида посмотрела на меня, прищурившись. Затем спросила:

– Расскажешь, как ты это сделал?

– Что именно?

– Ты знаешь. Сегодня, когда я увидела её в шкатулке, ты очистил меня от страха. Как у тебя получилось?

– Не знаю. А у тебя как получается?

– Не сравнивай, – покачала головой Лида. – Я занимаюсь этим почти двадцать лет. Мой мир всегда был полон волшебства – вспомни, что я говорила днём. А ты… Ты всегда был скептиком. Всегда сомневался. И даже увидев силу, не верил. Но всё-таки у тебя получилось. Чисто, уверенно – будто ты лечишь не меньше моего.

От слов Лиды мне стало неловко. Словно мой поступок обесценил все таланты жены. Решив немного разрядить обстановку, я опустил взгляд, провел пальцем по пустой рюмке, а затем сказал:

– Ладно… Видимо пришло, время. Никогда тебе об этом не говорил, но семьдесят лет назад… Мой дед на фронте. Он попал в плен. Немцы ставили над ним эксперименты. Кололи всякими препаратами. А потом он сбежал. За ним гнались по пятам. С собаками. На мотоциклах. Но он бежал быстрее. Добрался до Полесья, и спрятался там у лесной ведьмы. За-

жил с ней. Завёл детей. В общем, я – потомственный колдун, Лид. У меня дар.

Я посмотрел на жену максимально серьезно. Ждал, что она улыбнется – чуть снисходительно, отведя взгляд в сторону и вниз – как она обычно улыбалась, когда я нёс милую чепуху, чтобы развеселить её. Но в этот раз жена пропустила мимо ушей мою выдуманную историю. Налив анисовую по рюмкам, Лида вновь затеребила пальцами серёжку.

– Я много о нём думала.

– О моем деде? – искренне удивился я.

Лида поморщилась. Отмахнулась.

– О даре.

– Фух… А я уж было…

– Помолчи, кот, – сказала жена чуть раздраженно.

Она отпила немного, буквально глоток, а затем посмотрела куда-то в сторону.

– В тот год, когда ушла Алиса… Через пару недель после похорон разум начал потихоньку возвращаться, и я впервые спросила у себя: почему ты вообще стал чувствовать этот запах? Ведь такого никогда не было раньше, правильно?

– До знакомства с тобой ни разу.

– Вот именно, – кивнула Лида. – Одно дело – увидеть знамения, вещие сны, звуки или видения прошлого. Совсем другое – ощутить *её* присутствие. Для такого нужно иметь много сил. И мне кажется, что часть ты перенял у меня. Точнее я сама отдала, пока жила рядом. Неосознанно.

– Это хорошо или плохо?

– Зависит от того, готов ли ты принять.

– У меня есть выбор?

Лида промолчала. Она снова отпила из рюмки, а затем пристально на меня посмотрела.

– Когда я буду умирать…

– Лида.

– Не перебивай. Дослушай.

– Хорошо, – я опустил глаза.

– Когда я буду умирать, мне будет больно. Ты даже не представляешь насколько. Помнишь, я рассказывала, как умирала бабушка? Родители разбирали крышу. Ни врачи, ни церковники не могли помочь. Чтобы облегчить боль, бабушка спускалась в погреб – раздевалась догола, прижималась к холодной земле, скулила в темноте. Со мной будет так же.

– Лида…

– Когда придёт время, я попрошу у тебя об одном. Обычно к этому готовятся заранее, но я не успела. Не думала, что это произойдёт так скоро. Послушай, кот. Мне будет некому отдать силу, кроме тебя. Забери её.

– Не говори ерунды. Мы ещё поборемся. Ты не умрёшь.

Жена усмехнулась и покачала головой.

– Опять ты о своём. Не хочу спорить. Просто пообещай мне.

– Лида…

– Пообещай, – надавила жена.

Я не хотел с ней ссориться. Только не в этот вечер.

– Хорошо. Если у нас не получится, я сделаю всё, о чём ты попросишь.

– Отлично. Ты дал слово. Помни об этом.

Молча выпив, я посмотрел на тарелку с мясом. Аппетит пропал.

– Что делал сегодня, пока я спала? – спросила Лида.

– Гулял. Бродил по лесу. Искал кролика.

– И ходил к соседям?

– Ты про Колебина? Да, ходил. Кстати, днём это был не он. Колебин умер.

– Знаю.

Я удивленно вскинул брови. Посмотрел на жену, чувствуя, как в груди расползается липкое подозрение.

– Откуда? – спросил, хотя уже заранее знал ответ.

– Птицы рассказали.

– Лид…

Жена вздохнула. Посмотрела на меня устало.

– Просто скажи, – попросил я.

– Тебе это так важно?

– Важно.

– Ну хорошо. Да, мы говорили с Максимом. Пока ты гулял. Он сказал, что ты выяснял про соседа.

Маятник в груди рухнул вниз. «Почему? Почему сейчас? – забегали тревожные мысли. – Она хотела услышать его перед смертью? Хотела обсудить вещи, о которых мне

знать не стоит? Чёрт, – одернул я себя. – Успокойся! Что ты несёшь, идиот?»

Но в висках уже шумел пульс, и руки стали липкими от беспокойства.

– О чём ещё болтали?

– Андрей. Давай не будем. Не сейчас.

Я постарался успокоить дыхание. Опустил взгляд, вновь уставившись в тарелку с недоеденным филе. Лида поступила так же. Ковыряя вилкой мясо, жена спокойно сказала:

– Тем более, ты и сам звонил Вике.

Струна маятника натянулась, зазвенела в груди.

– Как ты узнала?

– Никак, – сказала Лида, не поднимая глаз. – Угадала, получается.

Я мысленно покрыл себя матом. Следователь, твою мать.

– Ладно, – произнесла жена, отодвигая тарелку. – Пойдём покурим.

Она встала из-за стола, подошла к вешалке и взяла пальто. Посуду убирать не стала. Стало ясно, что настроение у Лиды рухнуло. Пусть она и не показывала виду, но грязные тарелки, оставленные вопреки привычке, значили лишь одно – жене стало резко плевать на весь романтичный настрой.

– Прости, – сказал я, когда мы вышли на террасу и закурили. – Просто хотел знать.

– Давай забудем, хорошо? – сказала Лида. – Только не сегодня.

Она выдохнула дым в тёмную вечернюю сырость. Запрокинула голову назад, прикрыла глаза и набрала полную грудь воздуха.

– Здесь так свежо. Рекой пахнет.

Я машинально оглянулся и посмотрел в окна, в которых отражались наши с женой силуэты.

– Не смотри туда, – сказала Лида и ладонью повернула мою голову обратно. – Лучше послушай, как шумит ветер… Берёзы шепчут. Кошки не спят. Сегодня ночью будет гроза.

– Гроза в конце сентября? В Сибири?

– Просто поверь.

Я хмыкнул и посмотрел на небо. Со стороны посёлка оно ещё было светлое, чуть розоватое – раскрашенное лучами только-только спрятавшегося солнца. А на востоке над лесом уже темнела ночь. Холмы почернели и превратились в тени уснувших великанов. Ветер летел оттуда – с тайги.

– Идём к реке, – вдруг сказала Лида. – Хочу развести костёр. Пожарить хлеб, как в детстве.

Я понял, что вечер ещё можно спасти, и согласился.

– Пойдём. На Васино?

– Да. Именно туда.

Лида задумалась на секунду. А затем посмотрела на меня – лукаво, насмешливо.

– И не забудь анисовую. Жду тебя здесь.

– Хорошо, я мигом.

Выбросив окурок в пустую банку из-под кофе, я вошёл

обратно в гостиную. Нашёл в кухонной тумбе пакет – кинул туда бутылку, хлеб, пару картофелин, коробок с солью и остатки овощей. Затем взял с каминной полки складной нож и пару таблеток сухого спирта, чтобы не мучиться с костром впотьмах. Взгляд остановился на топке камина. Мне показалось, что сажи на стенках стало больше. Дотронулся ладонью до кирпичей. Холодные. Странно.

Решив не забивать голову, я сунул в карман запасную пачку сигарет. Затем положил в коробку уснувшему кролику пару морковок и вышел на улицу.

Огляделся. Лиды во дворе не было. Сердце застучало быстрее. Маятник в груди рухнул вниз. Быстро, почти бегом, я сбежал с крыльца, толкнул калитку. Посмотрел в сторону леса…

Выдохнул.

Лида стояла напротив дома Колебина. Спрятав руки в карманы пальто, она смотрела в сторону старого пятистенка. Вжимала голову в воротник. Локоны вились по ветру чёрными змеями.

– Ты чего убежала? – спросил я, подойдя ближе.

Лида не повернулась. Медленно и плавно она подняла руку и несколько раз провела перед собой, словно сбрасывая невидимую паутину.

– Гнилая кровь, – тихо сказала жена. – Гнилые мысли.

Она стояла, будто загипнотизированная, застыв посреди дороги и уставившись в зашторенные окна кривой избы. Ве-

тер, налетавший из леса, поднимал пыль, клонил к земле заросли крапивы, гремел железом на крыше соседского дома.

– Милая… Всё в порядке?

Будто не слыша меня, Лида сделала шаг вперёд. И тут же отступила – почти отпрыгнула. Поморщившись, словно от ожога, она, наконец, глянула в мою сторону.

– Ты ходил туда днём?

– Да.

– Не ходи больше. Никогда не ходи.

Она вновь взмахнула рукой, согнула пальцы и начертила в воздухе знак – круг с петелькой снизу. Затем взяла мою ладонь, поднесла её к губам и принялась быстро шептать. Слов я разобрать не сумел. Ветер подул сильнее – зашумел ветвями берёз, срывая пожелтевшие листья, а затем вдруг резко стих. Лида отпустила руку.

– Пойдём, – сказала, вдруг улыбнувшись. – Пока совсем не стемнело.

Не понимая, что происходит, я посмотрел сначала на собственную ладонь, затем на соседский пятистенок, а после – на жену.

– И что это было?

– Заговор. Ты поранился днём.

– Можешь объяснить нормально?

– Кот… Просто не ходи в этот дом. Он забирает жизнь.

Лида посмотрела на меня измученно, и я понял – не разумом, но интуицией – лучше оставить жену в покое. «В конце

концов, она знает, что делает».

Перехватив пакет из руки в руку, я поцеловал Лиду и кивнул в сторону березовой рощи.

– Ты права. Идём. Нас ждёт река.

***

Над водой стелился туман. Клубками, рваными нитями полз в заводи сквозь заросли камышей, поднимался по тёмному песку к поляне, оседал каплями на листьях лозняка. Земля дышала сыростью, увядающими травами, осенью.

Мы с Лидой сидели под ветвями одиноко растущей берёзы, словно дети, спрятавшиеся в домике. Развели костер, и теперь жарили хлеб, держа тонкие прутики над танцующим огнем.

– У тебя корочка подгорела, – сказал я жене. – Подними повыше.

– Это специально. Чтобы громче хрустеть.

Я взял с земли кривую березовую палку. Поворошил прогоревшие дрова, сбивая их поплотнее. В углях пеклась укрытая золой картошка. Конец палки загорелся, и я прикурил от неё сигарету.

– Дай мне тоже, – попросила Лида.

Отдал ей свою, а себе достал из пачки новую.

– Опять обслюнявил весь фильтр, – жена в шутку поморщилась. – Что за привычка?

– Считай, это мой поцелуй.

Лида улыбнулась, и я подмигнул ей, щурясь от кислого дыма, лезущего в глаза. Отсел чуть в сторону. Почувствовал, как закружилось в голове. Бутылка анисовой была наполовину пуста, и всё вокруг казалось таким мягким, нежным, живым. Где-то в кустах квакала лягушка. «Грозу зовёт» – вспомнил я слова Лёпы. Тут же, словно в подтверждение, зашумела трава от налетевшего ветра, зашевелилась листва на березе. Волосы Лиды взметнулись и упали обратно на плечи.

– Нужно было шапки брать, – сказал я. – Продует.

Жена взглянула на меня насмешливо, чуть приподняла одну бровь. Я быстро вспомнил.

– Чёрт.

– Забудь. Не бери в голову.

Удивительно, как ей удавалось говорить об этом так легко. Неужели она и вправду настолько привыкла видеть смерть в зеркалах, что перестала её бояться? Или просто делала вид? В конце концов, Лида ведь кричала, когда открыла тот шкаф. И потом, когда рассмотрела отражения в шкатулке…

– Расскажешь, что произошло сегодня? – спросил я осторожно. – Что ты увидела?

Лида подумала немного, а затем кивнула.

– То же, что и раньше, – ответила она. – Белый сарафан. Длинные волосы. Только она стоит всё ближе. И выглядит не так, как обычно.

– А как?

– Как утопленница.

Лида помолчала немного, глядя в огонь. Затем добавила:

– Она выглядит, как я.

– Ты видишь себя утонувшей?

– Да, – сказала Лида. – То есть нет… В смысле, я вижу своё отражение, а позади ещё одно, которое держит меня за волосы. И та, вторая, улыбается – мокрая, перемазанная в грязи, с засохшей тиной, давит на шею.

От слов жены показалось, будто меня самого окунули головой в омут. Дышать стало тяжело. На грудь словно упал невидимый груз, мешающий набрать полные лёгкие воздуха.

– Почему так происходит?

– Не знаю, – пожала плечами Лида. – Думаю, всё дело в мыслях.

Я непонимающе посмотрел на жену.

– Образы, – сказала она. – Мы сами рисуем их в отражении. Когда ты подарил мне серёжки, – Лида коснулась пальцами мочки уха, – я подумала о том, что хочу надеть их вместе с вечерним платьем. То белое с вырезом, помнишь? Мне стало жаль, что я больше не успею в нём никуда выйти. Я пожалела себя. Всего на секунду, но пожалела.

Лида выбросила окурок в костёр и сняла с огня прутик с хлебом. Царапнула ногтём чёрную корку.

– А потом днём ты рассказал, что слышишь знамения. И мне вдруг так сильно захотелось жить, научить тебя всему. Я на мгновение представила, как мы могли бы вместе летать во снах. Как могли бы ходить на ту сторону.

Я почувствовал, как к горлу подкатывает отчаяние. Глаза вновь заслезились. Благо, теперь всё можно было свалить на дым костра. Я отвернулся, прикусил губу. «Соберись, твою мать, – приказал себе. – Будь мужчиной. Ты должен быть сильным в эти три дня. Она хочет, чтобы ты был сильным».

Три дня…

«Нет, Андрей. Уже никакие не три».

Глубоко вздохнул и посмотрел на жену.

– Думаешь, нет способа победить её? Я имею в виду не врачей. Твою теорию. Вся эта магия… Ты сама говорила: кто имеет веру с зерно, может сдвинуть гору.

Лида усмехнулась, чуть не подавившись хлебом.

– Это не я говорила, а Христос. И как ты помнишь, он умер.

– Да. Но потом воскрес. Через три дня.

– Кот, – улыбнулась Лида. – Жаль тебя расстраивать, но я не Христос. И надеюсь, мне не придётся умирать за чужие грехи в муках. Я бы предпочла, чтобы это было спокойно и тихо. Хотя, учитывая мою суть, тихо, конечно, не будет. Придётся немного потерпеть боль, пока сила полностью не перетечет в тебя. Ты помнишь? Ты обещал.

– Помню. Я сдержу слово.

Сняв хлеб с огня, разломил его пополам и съел половину с помидором. Затем сделал глоток анисовой. Поморщился. Чувствуя, как алкоголь обжигает горло, закусил вторым куском, и поймал себя на мысли, что вновь хочу приложиться

к бутылке.

«Хватит, – остановил себя. – Ты помнишь, что бывает, если потерять берега. Можно захлебнуться».

Пододвинувшись ближе к костру, вновь поворошил угли. Затем спросил:

– Что, если мы все можем воскреснуть? Ты не думала об этом?

– О чём ты?

– Если смерть нельзя победить. Может, есть способ её обмануть?

– Что-то ты не договариваешь, – нахмурилась Лида, а затем спросила: – Что именно ты видел в том доме?

– Ничего особенного. – покачал я головой. – Но…

– Что «но»?

– Кажется, это всё-таки был Колебин. Днём.

Лида долго и внимательно на меня смотрела, будто пытаясь прочитать мысли. Я вновь почувствовал, как её сознание проникает мне в голову и перетряхивает воспоминания. Стараясь не обращать внимания на возникшую в груди щекотку, я произнёс, глядя в тлеющие угли костра:

– Пару лет назад у него нашли рак. А потом появился странный друг. В Роще говорят, он обещал вылечить Валеру. Обмануть смерть.

Лида вдруг подвинулась ближе и взяла меня за руку. Заглянула в глаза.

– Андрей.

– Да?

– Пообещай мне кое-что, – она крепче сжала мою ладонь. – Никогда, слышишь? Никогда не принимай помощь у силы, что поселилась в том доме. Оно того не стоит. Это не жизнь. Это гниль.

В памяти всплыли рассказы Лёпы о ящерице, погубившей старика. За ними – слова Вити, хозяина кроликов, о друге Колебина в чёрных одеждах. А потом воспоминание о тяжелом, землистом духе в избе. О том, как быстро утекали силы, стоило лишь переступить порог заброшенного дома.

– Смерть не страшна, – говорила Лида. – Хоть она и бывает болезненной. Невыносимой для тех, кто остаётся жить. Но тот, за кем она приходит, должен смириться и идти за ней. Это естественно, кот. Мы не можем противиться миру.

– Ты говорила, мы можем менять его.

– Можем, – кивнула жена. – Но иногда это обходится слишком дорого. Пойми, *она* – не плохая. Её вид пугает лишь тех, кто не готов уйти, как это случилось сегодня со мной в минуту слабости. Но в этом и смысл. Кто борется с ней – тот сам создаёт врага. Мы рисуем образы в отражениях, помнишь?

Я кивнул, хоть и не мог принять смирение Лиды. Спорить с женой не было никакого желания, но отказаться от борьбы? Нет… Не согласен.

– Она – не приходит, чтобы причинить зло, – говорила жена. – Её появление вовсе не означает, что всё закончилось.

– Хочешь сказать, есть что-то после?

Лида посмотрела в огонь, улыбнулась.

– Однажды мне попался любопытный рассказ, – произнесла она. – О враче, который лечил от лунатизма генеральскую дочь. Там есть сцена, в которой врач и генерал сидят перед камином, пьют вино, курят папиросы. И тут генерал признается, что верит в загробную жизнь. Он высказал интересную мысль, которая мне запомнилась. Будто есть дом – общий для всех людей, откуда мы пришли. Место, куда мы ходим каждую ночь в сновидениях, а умирая, просто возвращаемся. Возвращаемся снова.

– Думаешь, это правда?

Лида кивнула.

– И где же, по-твоему, этот дом? – спросил я.

– Может, на небе. Может, в отражениях. Какая в целом разница?

– Хочу знать, куда мне идти, когда придёт время. Чтобы найти вас с Алисой.

Плечи Лиды дрогнули. Она прикусила губу и на мгновение закрыла глаза.

– Тринадцать лет назад ты уже терял меня. Но сумел найти. Вот увидишь, не заблудишься и в этот раз.

Она отложила в сторону сгоревший кусочек хлеба. Поднялась на ноги и посмотрела на убывающий месяц, выглядывающий из-за туч. Ветер дул всё сильнее, тревожа листву и сгоняя с реки туман. Кажется, и вправду надвигалась гроза.

Поежившись, я сунул замерзшие руки под мышки. Пальцы нащупали что-то плотное и квадратное во внутреннем кармане. Я вспомнил: это коробочки с лекарствами. За ними – стопка фотографий.

Достав несколько снимков, пролистал их ещё раз. Задержался на том, что был сделан в парке развлечений. С фотографии, щурясь от солнца, смотрела пятилетняя Алиса, одетая в черное платьице в желтый горошек. Одной рукой она держала Лидину ладонь, другой – огромную сладкую вату. Позади цвела сирень, а на скамейке лежал Заяц в рубашке с оторванной пуговицей.

– Лид.

– Да?

– Как думаешь, мы были хорошими родителями?

Лида обернулась и взглянула на меня, чуть нахмурив брови. Я вспомнил, что Алиса хмурилась так же.

– Конечно, – сказала жена. – Ты сомневаешься?

– Если мы всё делали правильно… Почему это произошло?

– Кот… – Лида опустилась и села рядом. – Ты же знаешь, в мире нет правил.

– Знаю.

– Тогда что тебя волнует?

Я посмотрел на фотографию. Провел пальцем по краю плотной глянцевой бумаги.

– Боюсь, ей там страшно одной. В доме, о котором ты гово-

ришь. Знаю, звучит глупо, но я помню это ощущение. Почему-то именно сейчас вспомнил… В детстве отец часто брал меня на рыбалку. Мы садились в лодку, плыли по этой реке, – я махнул в сторону тёмной глади. – Отец ставил сети…

Я замолчал на секунду. Глянул на разложенные на пакете овощи и вспомнил, как мы с отцом так же обедали в лодке. Газетка на сиденье, а сверху хлеб, сало и соль.

– Мне нравилось рыбачить на удочку. Чтобы снасти не путались, отец высаживал меня на берег, а сам проплывал по заводям. Однажды он оставил меня на маленьком островке и не возвращался дольше обычного. Там был илистый берег, на том островке. И я зачем-то на него сунулся. Сапоги увязли. Чем больше я двигался, тем сильнее проваливался вглубь. В итоге застрял намертво – по колено в грязи. Начал звать отца. А он всё не появлялся. Я даже плеска вёсел не слышал. В какой-то момент стало страшно. Казалось, будто сейчас эта грязь засосёт меня, похоронит заживо, а отец так и не узнает, куда я делся.

Лида протянула бутылку. Я отказался.

– Потом стало ещё страшнее. В голову пришло, будто с отцом что-то случилось. Что лодка перевернулась, и он утонул. Но больше всего меня пугала другая мысль… Что на самом деле с отцом всё в порядке. Просто он меня бросил. Так же, как мать.

Лида провела пальцем по моей ладони. Тихо произнесла:

– Но ведь это не так.

– Да… Он вернулся. Но тогда я об этом не знал.

– Знал, мой хороший. В глубине души ты всегда знал. И Алиса знает, что ты к ней вернёшься.

Задумавшись на миг, жена улыбнулась.

– Тем более, наша дочь совсем не одна. С ней друг.

Я кивнул. Прикрыл глаза. Вспомнил ливень, барабанящий по чёрным зонтам. Лакированное дерево. Уснувшую Алису, а на её груди, среди цветов, мокрого Зайца в рубашке.

– Наша дочь – смелая, – сказала Лида. – Думаю, гораздо смелее, чем мы. И сейчас ей скорее весело без нашего присмотра, чем страшно. Она – хозяйка страны чудес. Не переживай, кот, Алиса ждёт нас без страха. Просто поверь мне. Я не стану обманывать.

– Верю…

– Но?

– Но откуда ты можешь знать точно?

Лида не ответила. Вместо этого она наклонилась и поцеловала меня в лоб. Её губы были горячие и сухие, а от волос пахло хвоёй и дымом.

Мы долго смотрели друг другу в глаза. Продолжали разговор, только уже без слов. В конце Лида опустила ресницы, а я кивнул. Вздохнув, мы вновь повернулись к костру.

– Что с картошкой?

– Думаю, готова, – ответил я, вороша палочкой угли. – Тебе хлеб пожарить нормально?

– Лучше дай выпить.

Я протянул жене бутылку, а сам разложил на пакете горячие и перепачканные в золе картофелины. Разрезал их пополам ножом. Посыпал солью. Рядом положил зеленый лук и остатки помидоров.

– Красота, – улыбнулась Лида, оценив наш походный ужин. – Меня, кстати, никто в детстве на рыбалку не брал. Может, поэтому я за тебя замуж и вышла. Ты же деревенский мальчик, а я всегда тянулась к природе.

– Хочешь, порыбачим завтра?

– Хочу.

– Значит, раздобуду удочки. И лодку, – я замолчал на секунду, вспомнив недавний разговор. – Хотя…

– Что «хотя»?

– Думаю, обойдёмся без лодки. Порыбачим с берега.

Лида опустила глаза, догадавшись, почему я изменил решение.

– Не переживай, кот, я не свалюсь за борт. И не напугаюсь отражения.

– И всё-таки…

– Как скажешь, – не стала спорить Лида. – С берега, так с берега. Где достанешь удочки?

– Спрошу у местных. Думаю, это не проблема.

– А ещё мы сходим за грибами. Сегодня этого так и не сделали, а я, между прочим, безумно хочу походить по лесу.

– Это в тебе кавказские корни проснулись.

– Что?

– Походить по лесу с ножом. Пару белых подрезать. Красота…

– Андрей, ты идиот, – засмеялась Лида и толкнула меня в плечо. – Ходячий мешок с предрассудками.

– Ну, во-первых, не мешок. А во-вторых, я деревенский мальчик. Забыла? Все деревенские мальчики полны предрассудков.

– Это тоже предрассудок.

– О чём и речь.

Лида улыбнулась, покачала головой и осторожно взяла картофелину. Подула на неё. Откусила.

– Вкусно?

– Шамая хушная хартошка у мыре.

– Ты не прожевала или это уже осетинский?

Лида снова засмеялась, прикрыв рот рукой. Затем посмотрела на меня. Её подбородок и губы были черны от золы.

Я улыбнулся.

– Какая ты у меня красавица. Хоть и ведьма.

– Ты тоже ничего, – сказала Лида, вытирая рот. – Хоть и мент.

– Эй, – в шутку обиделся я. – Никогда не был ментом. Вообще-то ты должна знать разницу.

Лида небрежно отмахнулась.

– Мент – это состояние души, а не цвет погон, – сказала она. – Всегда ментом был и останешься. Тебя хлебом не корми – дай покопаться в какой-нибудь грязи. На твоё счастье,

я – городская девочка, у меня нет предрассудков, будто все вы – продажные сволочи. В конце концов, я ведь прожила с тобой двенадцать лет.

– А если б я брал?

– Тогда мы бы здесь не сидели, – улыбнулась Лида.

– Согласен… Возможно, мы бы сидели где-нибудь на берегу моря. В собственной вилле.

– Или в тюрьме.

– Или в тюрьме, – кивнул я.

Затем подумал и всё же сделал ещё глоток из бутылки. Поморщился. Достал очередную сигарету и прикурил. Лида придвинулась ближе и положила голову мне на плечо.

Мы молча смотрели, как прогорают дрова в костре – они светились угольками, белели и рассыпались в пепел. Пламя ослабло, и уже почти не освещало поляну. Ветер усилился. В воздухе пахло грозой. Я потерял счёт времени, а затем Лида вдруг приподнялась и будто к чему-то прислушалась.

– Что такое? – спросил я.

Она ответила не сразу. Покачала головой и села обратно к костру.

– Полночь наступила.

Я глянул на часы. Стрелки застыли вертикально, указывая на двенадцать.

– Чёрт. Как у тебя это получается?

– Привычка, – ответила Лида. – Ты тоже так можешь, – Она вдруг глянула на меня, словно что-то задумав. – А хо-

чешь, поколдуем вместе?

– Это как?

– Развернись спиной.

– Зачем?

– Просто развернись.

Я сделал, как она просила, и наклонил шею чуть вперёд. Почувствовал, как волосы Лиды коснулись кожи. Горячее дыхание… Шепот:

– Закрой глаза. Слушай внимательно.

Дыхание. Ветер…

Треск костра.

– Что я должен услышать?

– Тшш… Молчи и слушай.

Я глубоко вдохнул и попытался сосредоточиться. Пусть не сразу, но всё же мне удалось отбросить крутившиеся на языке вопросы. Сидя с закрытыми глазами, весь обратился в слух.

Дыхание. Стрекот кузнечиков…

Кваканье лягушки. Всплеск воды.

Шелест листвы над головой. Шёпот Лиды:

– Почувствуй, как течёт время. Мгновение за мгновением… Прошлое перетекает в будущее. Незаметно… неотвратимо. Оно похоже на растущее дерево – корни уходят под землю, ветви тянутся к небу. Но на самом деле – всё едино. На самом деле никакого времени нет. Тонкая линия скользит, закручиваясь в кольцо. Перетекает сама в себя… Вре-

мя – это змей, пожирающий собственный хвост. Прислушайся…

На секунду показалось, будто ветер приподнимает меня над землёй. Несёт к небу. Миг за мигом я растворялся в воздухе, терял вес, превращался в дым….

Костёр щёлкнул и выстрелил искрами. Мираж исчез. Мысленно выругавшись, я сосредоточился вновь.

Дыхание. Стрекот кузнечиков. Шум травы…

Руки Лиды на моих плечах. Запах её кожи. Аромат хвои от волос.

Мысли ушли не туда.

– Чувствуешь что-нибудь? – спросила Лида.

– Да.

– Что?

– Эрекцию.

Секунда молчания. А затем смех Лиды – громкий, на всю поляну.

– Боже, кот! С тобой невозможно говорить серьёзно.

– А что я могу сделать, если ты дышишь прямо в ухо? – начал оправдываться. – Если это и есть колдовство, которое ты хотела показать, то знай: я могу и сам. Без таинственных ритуалов.

Лида засмеялась снова. Толкнула в спину.

– Ну тебя к чёрту!

– Эй-эй, погоди! А с этим что делать?

– Расколдовывай обратно. Придётся потерпеть до дома.

– А может, прямо здесь? На траве под луной? Помнишь, как тогда? Здесь ведь особенное место.

– Кот, нам не по двадцать лет. Если сделаем это сейчас, то, во-первых, вряд ли потом выберемся из леса, а во-вторых, ты застудишь почки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.